

Древности Кубани

Древности Кубани

(вып. 7)

Краснодар
1998

ББК 63.4 (2 РОС37)
Δ-74

Составители:

Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П., Фролов Б.Е.

Печатается по решению Ученого Совета Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника.

Компьютерная верстка: Винидиктова А.П.

© Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Винидиктов А.П.

СОДЕРЖАНИЕ

Новичихин А.М. ИТОГИ РАБОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА АНАПСКОГО МУЗЕЯ В 1991 – 1995 ГГ.	4
И.В. Каминская, Д.В. Цокур ПОСЕЛЕНИЕ КАМЕННЫЕ СТОЛБЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ЛАБЫ НА СЕВЕРО – ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ	5
Пьянков А.В., ПОНОМАРЕВ В.П. БРОНЗОВЫЙ ТОПОР ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТ. ШАПСУГСКОЙ.....	15
Кондряков Н.В. ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЛАЗАРЕВСКОГО РАЙОНА Г. СОЧИ	18
Хачатурова Е.А. ПЕРГАМСКИЙ ГЛАЗУРОВАННЫЙ КУБОК ИЗ А.ШЕНДЖИЙ В ФОНДАХ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ	22
Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ	25
Зеленский Ю.В. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИКУБАНЬЯ И ЗАКУБАНЬЯ	33
Зажигина Л.Ю. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ТУРЕЦКОГО ВРЕМЕНИ В СОБРАНИИ АНАПСКОГО МУЗЕЯ.....	37
Алиева С.И. ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ С АДЫГАМИ, ЧЕРКЕСАМИ, КАБАРДИНЦАМИ.	39
Александров С.Г. ПРИМЕНЕНИЕ СОКОЛЬСКОЙ ГИМНАСТИКИ В СОСТАВЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КУБАНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ	41
Д.В. Сень НОВОЕ О РЕЭМИГРАЦИИ НЕКРАСОВСКИХ КАЗАКОВ ИЗ ТУРЦИИ В СССР В 20 – Е ГГ. XX В	45
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	54

Новицких А.М.

ИТОГИ РАБОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА АНАПСКОГО МУЗЕЯ В 1991-1995 ГГ.

1. В полевые сезоны 1991 – 1995 гг. археологический отряд Анапского музея занимался охранными раскопками памятников, разрушаемых при строительстве газопровода Анапа – Сукко и археологическими разведками в горной части Анапского района в окрестностях с. Су – Псех. Открыто и обследовано восемь археологических памятников, относящихся к различным хронологическим периодам: поселения Андреевская щель I и II, Су – Псехские I и II, Су – Псехское западное, могильники Андреевская щель и Старый Аэрором, курган Нагорный. Обследовались также места случайных находок древних предметов.

2. С эпохой энеолита – ранней бронзы связаны находки каменных отбойников, топоров – тесел и их фрагментов на поселении Андреевская щель I. К этому же времени можно относить поселение Су – Псехское западное, где собрана керамика майкопского облика.

На поселении Андреевская щель II в разведочном шурфе выявлен культурный слой эпохи бронзы с фрагментами керамики, украшенной насечками по венчику и тулову, а также прочерченными по сырой глине дугами. Для культуры – но – хронологической атрибуции памятника полученных материалов пока недостаточно.

Лепная керамика, украшенная валиками различной конфигурации, мелким рифлением и прочерченными дугами собрана в восточной части Су – Псехского II поселения. Подъемный материал может быть отнесен к эпохе поздней бронзы. Неподалеку известна находка бронзовой булавки начала I тыс. до н.э.

Несколько местонахождений эпохи бронзы выявлено в северной части села Су – Псех. Не исключено, что часть из них является следами одного большого поселения. Среди находок ручки ковшей с выступами собатиновско – белозерского облика, заготовка каменного молотка, ладьевидная зернотерка.

3. К античному времени относится поселение Андреевская щель I. На вскрытом участке выявлены слои эпохи эллинизма и римского времени. Среди находок фрагменты амфор, кухонной и столовой посуды, глиняные грузила и пряслица. Наиболее ранние материалы относятся к IV в. до н.э. – горло гераклейской амфоры с клеймом Силана, обломок клейменной горгиппийской черепицы, фрагмент дна чернолакового сосуда.

Случайные находки предметов античного времени зафиксированы в районе Старого Аэророма. Есть основания предполагать наличие здесь могильника античной эпохи. Несколько фрагментов керамики IV – III вв. до н.э. поднято на Су – Псехском II поселении. На южной окраине с. Су – Псех случайно найден обломок позднеантичного мраморного рельефа с изображением всадника.

4. Очень разнообразны средневековые памятники. К эпохе раннего средневековья VIII – X вв. относится поселение Су – Псехское I, открытное на северной окраине села. Небольшая площадь и немногочисленные керамические находки свидетельствуют, видимо, о сезонном характере поселения или о непродолжительном периоде его существования.

К этому же времени можно отнести находки, сделанные на вершине горы

Школьной – железную фибулу и фрагмент бронзового зеркала. Предметы несут следы пребывания в огне и являются, вероятно, частью инвентаря кремационного погребения (или погребений) салтово – маяцкого времени.

Средневековый могильник с погребениями по обряду трупосожжения и трупоположения открыт в урочище Андреевская щель. На площади 100 кв. м исследовано шесть погребений X – XII вв. Интерес представляет кенотаф конца XI – первой половины XII в., содержащий полный комплект вооружения и воинского снаряжения и сопровождавшийся захоронением боевого коня.

Неподалеку расположено одновременное могильнику поселение Андреевская щель II. В заложенном на памятнике шурфе расчищены хозяйственная яма и остатки каменной оградки. Керамика (обломки амфор, рифленых пифосов, кувшинов т.н. тмутараканского типа) датируют поселение также как и могильник – X – XII вв. Среди индивидуальных находок интерес представляет орудие из оленьего рога, атрибутированное как челнок для плетения сетей.

На Су – Псехском II поселении собрана коллекция керамики XII – XV вв. Выделяются граффитти на стенах амфор, обломки поливной посуды. Отдельные находки – многогранная стеклянная бусина, серебряная монета крымского хана Менгли – Гирея II (предварительное определение И.В. Волкова), некоторые фрагменты керамики – свидетельствуют о существований здесь поселения в XVII – XVIII вв.

С событиями русско – турецких войн конца XVIII – начала XIX вв. связаны находки в окрестностях с. Су – Псех чугунных ядер и картечи.

И.В. Каминская, Д.В. Цокур

ПОСЕЛЕНИЕ КАМЕННЫЕ СТОЛБЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ЛАБЫ НА СЕВЕРО- ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В последнее время на территории Лабинского района Краснодарского края открыт ряд памятников, связанных с памятниками, относящимися к кругу кобанской культуры. Одним из таких памятников является поселение Каменные Столбы.

Поселение расположено в 3 км к северо – востоку от ст. Ахметовской в Лабинском районе Краснодарского края и в 0,5 км к юго – востоку от горы Шпиль, входящей в скальный разлом, идущий с севера на юг Скалистого хребта. Поселение было открыто в 1988 году во время разведок в Лабинском районе окрестностей ст. Ахметовской В.Н. Каминским.

Поселение занимает небольшую ложбину и склон естественной, относительно ровной площадки. На поверхности площадки визуально следов культурного слоя не зафиксировано, но в ложбине культурный слой фиксируется хорошо, так как здесь проходит грунтовая дорога из ущелья реки б. Лабы от урочища Чистого на альпийские луга. При прокладке дороги был разрушен бульдозером культурный слой, после чего начался его размыв. На этом участке был исследован культурный слой мощностью от 20 см до 1,2 м. Здесь был заложен первый раскоп. На поверхности раскопа не было замечено каких – либо следов от качев –

ных построек и оборонительных сооружений. Первый раскоп был заложен по линии северо – юг и состоял, из пяти квадратов. Исследованная площадь раскопа составила 64 кв. м. Расчистка производилась послойно. Были открыты остатки жилого комплекса. Лишь небольшая часть комплекса была расположена на рас – копе, остальная часть уходила в борта раскопа. Были прослежены скопления камней, уложенных беспорядочно из небольших известняковых плит местного происхождения. Так называемые стены были сложены насухо, поэтому были сильно разрушены. Одна из стен, вероятно, служила внешней оградой жилого комплекса.

В слое был найден различный материал: фрагменты посуды, костяные из – делия, кремневые орудия и отщепы. Предметы из кости немногочисленны. Они представлены кольцом с порожками на концах, фрагментом псалия, нако – нечниками стрел (рис. 1, 1 – 4). Втульчатый наконечник стрелы имеет в сечении ромбическую форму. Самые близкие аналогии встречены в материалах Поднеп – ровья, на Восточном Кавказе на поселении Сержен – Юрт и в Забайкалье (11, рис. 4, 4, 5, 16; рис. 115, с. 168; 3, рис. 4, 9). Костяной черешковый наконечник стрелы найден в верхнем слое поселения. Наконечники стрел данного типа были найдены на Субботовском городище (10, с. 101, рис. 9, 2; рис. 115). Кремневый инвентарь представлен отбойниками округлой формы, скобелями и другими орудиями и отщепами (рис. 1, 8 – 12). Предметов из бронзы найдено немного. Это две полусферические бляшки, фрагмент псалия и небольшой слиток бронзы, представляющий собой полушиарие (рис. 1, 7). Наиболее многочислен – ную группу находок на поселении составляют фрагменты керамики, которая подразделяется на две группы: столовую и кухонную.

К кухонной группе посуды относятся горшки, корчаги, блюда, цедилки, миски. Вторая группа объединяет кувшины, миски, кружки и кубки.

По функциональному назначению мы выделили отделы, каждый из кото – рых морфологически разделен на типы, подтипы и варианты. Это дает возмож – ность детального анализа основной части вещевого комплекса поселения.

Вся посуда, найденная на поселении, изготовлена без помощи круга. К кухонной посуде относятся грубо изготовленные миски. Этот I тип посуды изго – тован из плохо отмученной глины с примесью шамота, дресвы и толченого мела. Черепок в изломе черного или коричневого цвета. Венчики слегка загну – ты внутрь, край венчиков закруглен и плавно переходит в бортик и туло. Донца плоские, небольшие, слегка выделены. По диаметру венчиков миски делятся на два подтипа: миски с диаметром от 28 до 32 см и второй подтип от 11 до 16 см. Миски имеют округлые бортики, украшенные орнаментом, что под – разделяет миски на два варианта. К первому варианту относятся миски с вдав – ленным орнаментом, к второму – с процаррапанным орнаментом (рис. 2, 1 – 3, 5). Аналогии, данному типу посуды найдены в материалах Абадзехского (1, рис. 8, 6, 7, 15) и Сержен – Юртовского поселений (5, с. 77, табл. III, 3, 4). Ко второму отделу относятся блюда, которые имеют диаметр венчика от 50 до 80 см, невысокий бортик и большое плоское дно. Этот тип посуды изготовлен из плохо отмученного теста с большим содержанием шамота и дресвы. По форме бортика выделяются два типа. Первый тип – это блюда, у которых отогнут нару – жу бортик (рис. 2; 2а; 4а), ко второму типу относятся блюда, у которых бортик загнут внутрь (рис. 2; 1, 2, 3, 4). Эта посуда, как указывает В.И. Козенкова

специфична для материалов поселения Сержень – Юрт (5, с. 77, табл. I, 7 – 9), которое датирует X – VII вв. до н.э.

К III отделу кухонной посуды относятся корчаги – крупные сосуды, изготавленные из хорошо отмученного «теста» с примесью шамота, дресвы, песка. На венчике имеется «воротничок», тулово грушевидной формы, дно небольшое, с «закраиной». По форме венчиков выделены три типа. К I типу относятся корчаги с закругленным краем венчиков (рис. 2; 6, 7, 9) 2 тип – венчик горизонтально заглажен по краю (рис. 2, 10, 11); 3 тип объединяет корчаги с заос – тренным краем (рис. 2, 8).

По размеру диаметра венчиков выделяются подтипы. К первому подтипу относятся корчаги с диаметром венчиков от 25 до 32 см; к второму – с размером венчиков от 11 до 16 см.

Ближайшие аналогии этому виду посуды найдены в материалах кобанского круга: на поселениях Сержень – Юрт, Бамут и в погребениях Аллероевского могильника (5, с. 72, табл. XI V, 2; XI 7) датируемые X – VII вв. до н.э. IV отдел посуды – самый многочисленный – это горшки. Тулово этих сосудов имеет яйце – видную форму, плавно переходящую в округлые или прямые плечики, короткую шейку, дно плоское. На горшках, как и на корчагах, встречается на «шейках» «воротничек». По форме венчика выделяется три типа: с закругленным краем венчика (рис. 3, 1) с горизонтально заглаженным краем венчика (рис. 3, 2, 3) и третий тип с заостренным краем (рис. 3 4).

По размеру диаметра венчика выделяются два подтипа К первому подтипу относятся венчики диаметром от 16 до 20 см, ко второму – от 10 до 15 см. По орнаментации плечиков эта группа посуды подразделяется на два варианта: с вдавленным орнаментом и с процарапанным.

Аналогичная посуда найдена на поселениях Абадзехском (6, рис. 11 – 14, 16), Яйцоко, Чернореченское – I, Дятловское (4, с. 21). На основе анализа керамического материала эти поселения датируются концом средней – началом поздней бронзы (4, с. 24).

Последний, IV отдел кухонной керамики это цедилки; Они. изготовлены из плотного теста с примесью дресвы и шамота. На изломе черепки серого или черного цвета. Тулово цедилок имеет усеченно – коническую форму с округлым бортиком, край венчика слегка загнут внутрь. Среди материалов аналогии этой посуде найдены в слоях Сержень – Юртовского и Змейского поселений, относящихся к кобанской культуре (5, табл I, II, с. 76; рис. 3, 5 – 6), датируемых X – VIII вв. до н.э.

В группе столовой посуды выделено четыре отдела. Вся эта посуда тщательно отформована, глина качественно отмучена с незначительными примесями, поверхность посуды хорошо заглажена и залощена.

I отдел – это кувшины, представляющие собой крупные сосуды с высокой шейкой, горло растробом, тулово овальной или грушевидной формы, плечики украшены процарапанным геометрическим орнаментом. Придонная часть имеет коническую форму, плавно переходящую в плоское дно. По форме венчиков выделено два типа: первый тип объединяет кувшины с закругленным краем венчиков (рис. 3, 7 – 9, 11, 12); ко второму типу относятся кувшины, край венчиков которых скошен наружу (рис. 3, 10).

Ближайшие аналогии найдены среди материалов Айвазовского поселения

(8, с. 93, рис. 6), Змейского поселения (8, с. 439; Табл. XVII, 1 – 3), памятников бассейна Подкумка (6, с. 161, табл. XIV, рис. 8, 11, 13, 14), реки Кумы (6, с. 164, табл. XVII, рис. 9, II, 14; с. 165, табл. XVIII, рис. 6 – 15).

II отдел объединяет миски, которые в отличие от кухонных изготовлены более качественно, в глине, из которой они изготовлены, отсутствует оттощи – тель, поверхность залощена. тулово мисок имеет усеченно – коническую форму, дно плоское, бортик украшен орнаментом. По форме венчиков выделяются типы. Первый тип – это миски с закругленным краем венчиков (рис. 4, 1); второй тип – это миски с горизонтально заглаженным краем венчиков (рис. 4, 2); третий тип – это миски с заостренным краем венчиков (рис. 4, 3).

Наличие орнамента на бортике подразделяет миски на два варианта: с вдав – ленным орнаментом – первый вариант и второй вариант – с прочерченным гео – метрическим орнаментом (рис. 4, 4).

Аналогичный тип сосудов был найден на поселении Сержень – Юрт в слоях, датируемых X – VII вв. до н.э. (5,табл. I II,I,III, 3), среди материалов с поселе – ний открытых в верховьях Кубани (6,табл. XIX, 19, 21, 24).

III отдел, как и в кухонной посуде, самый многочисленный, он представ – лен кружками, которые хорошо сформованы. Кружки имеют невысокую шей – ку, плавно переходящую в плечики, тулово биконической формы, дно плоское или слегка вогнутое в центральной части. Ручка верхним краем крепилась к венчику, а нижним краем – к тулову. Кружки покрывались почти по всей по – верхности процарапанным геометрическим орнаментом в виде ломанной ли – нии, заштрихованных треугольников, косых и вертикальных линий (рис. 4,7). В этой группе сосудов выделяется два типа по форме бортика: первый тип, который объединяет кружки с отогнутым наружу бортиком, плавно переходя – щим в шейку раструбом (рис. 4, 6 – 7).

Второй тип – это кружки, бортик которых загнут внутрь, слегка округлен (рис. 4, 9).

Данные типы подразделяются на варианты по оформлению края венчика, где. выделяются венчики с закругленным краем, с горизонтально заглаженным краем и третий вариант, когда край венчиков заострен (рис. 4, 10 – 16). Анало – гичный тип сосудов встречен в материалах поселений Сержень – Юрт, Бамут (5,табл. IV, рис. 7, 11; 12, табл.104, рис. 4,8,13, 20).

Последний вид сосудов составляет IV отдел. Это кубки, типичная посуда кобанской культуры (рис. 4, 17). Кубки изготовлены качественно, хорошо сформованы, «тесто», из которого они изготовлены, хорошо отмучено, в каче – стве оттощителя использовался мелкотолченый мел или шамот. Поверхность кубков очень хорошо залощена, до металлического блеска. Кубки имеют чаще всего тулово усечено – биконической формы, бортик слегка отогнут наружу, горло раструбом, дно плоское. По форме края венчика кубки подразделяются на кубки с закругленным краем венчика; второй тип – это кубки, у которых край венчика заострен (рис. 4,18). На два варианта мы подразделили по вариациям диаметра венчиков. Первый вариант от 5 до 11 см и второй вариант от 12 до 17 см. Кроме этого кубки подразделяются на два подтипа по способу нанесения орнамента; кубки , украшенные вдавленным орнаментом и нарезным геомет – рическим орнаментом (рис. 5, 1 – 26). Аналогичные кубки были найдены в ма – териалах памятников, датируемых X – VIII вв. до н.э. Восточного и Центрально –

го Кавказа: в могильниках Шали (5, табл. I, III, 613), Алпатово (5,табл. 1 III, 613), поселениях Бамут, Серженъ – Юрт 6, табл. I II, 7), памятниках Кисловодской котловины (6, табл. X, рис. 21; табл. VIII , рис.24; табл. IX, рис. 8 табл. XV, рис. 36).

Кроме этой значительной группы фрагментов сосудов был найден тигель (6, табл. VIII, 14)

Анализ керамических находок поселения показывает, что поселение Ка – менные Столбы не является исключением в цепи поселений, которые В.И. Козенкова связывают с западным вариантом. Среди материалов этой группы поселений заметно органическое сочетание обеих групп сосудов, одна из которых объединяет посуду грубой выделки, украшенную вдавленным семечковид – ным или пальцевым орнаментом (6,с. 66 – 67). Генетически с керамикой поселения Каменные Столбы соотносится керамика эпохи средней бронзы из навеса I Гамовской балки (раскопки И. Каминской в 1988 г. в Отрадненском районе).

Вторая группа керамического материала, поселения это называемая В.И. Козенковой собственно кобанская – кубки, кружки, кувшины, тщательно сфор – мованные, чернолощеные (6, с. 66, 67).

Одним из доказательств культурной общности горных и предгорных памят – ников X – VIII вв. до н.э. (6, с.66) являются орнаментальные сложеты на посу – де.

Поселение Каменные Столбы, вероятно, перестало функционировать пос – ле первых походов киммерийцев в Закавказье через кавказские перевалы. Об этом свидетельствуют находки в верхних слоях поселения наконечников стрел, датируемых V в. до н.э. (3,с. 22) хотя могло быть и постепенное угасание, что подтверждается незначительностью хозяйственно – бытового инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аутлев П.У. 1972. Новые памятники бронзового века Прикубанья //Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т.III Майкоп.
- 2.Граков Б.Н. 1977. Ранний железный век. М.
3. Кириллов И.И., Кириллов О.И. 1986. Новые данные о культурно-исторических контактах Восточно-Забайкальских племен в эпоху бронзы //Древнее Забайкалье, и его культурные связи. Новосибирск.
4. Каминский В.Н., Каминская И.В. 1995. Об одной группе поселений эпохи бронзы бассейна реки Большой Лабы // Историко-археологический альманах . Вып. 1.Армавир Москва.
5. Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация. предметов кобанской культуры. Восточный вариант //САИ В 2-5. М.
6. Козенкова В.И. 1989. Кобанская культура. Западный вариант//САИ В 2-6. М.
7. Крупнов Е.И. 1950. Археологические работы в Кабарде и в Грозненской области. //КСИА, вып. XXXII. Л.
8. Крупнов Е.И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
9. Степи европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху 1989 //Археология СССР. М.
- 10.Тереножкин А.И. 1972. Культура предскифского времени в среднем Поднепровье //Вопросы скифо-сарматской археологии.
- 11.Шарафутдинова Э.С. 1991. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье //СА, N1

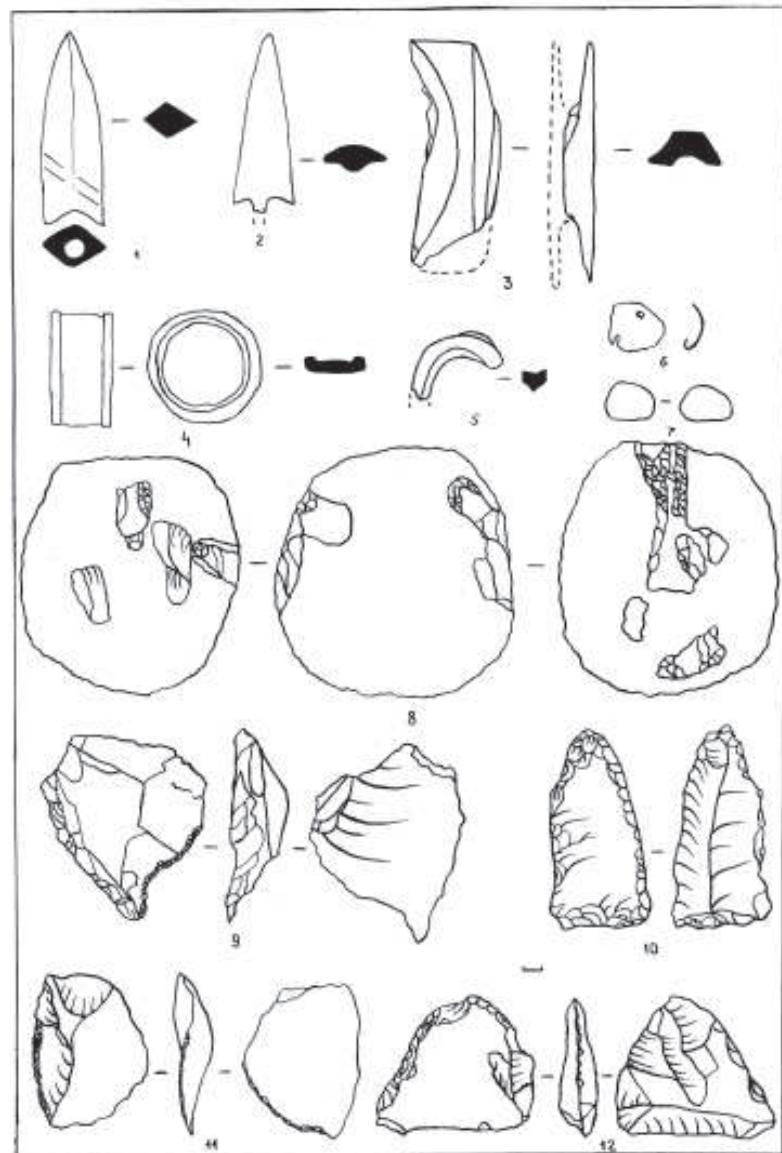

Рис. 1

Рис. 1 к статье И.В. Каминская, Д.В. Цокур «Поселение Каменные Столбы эпохи поздней бронзы в бассейне реки Лабы на Северо-западном Кавказе»

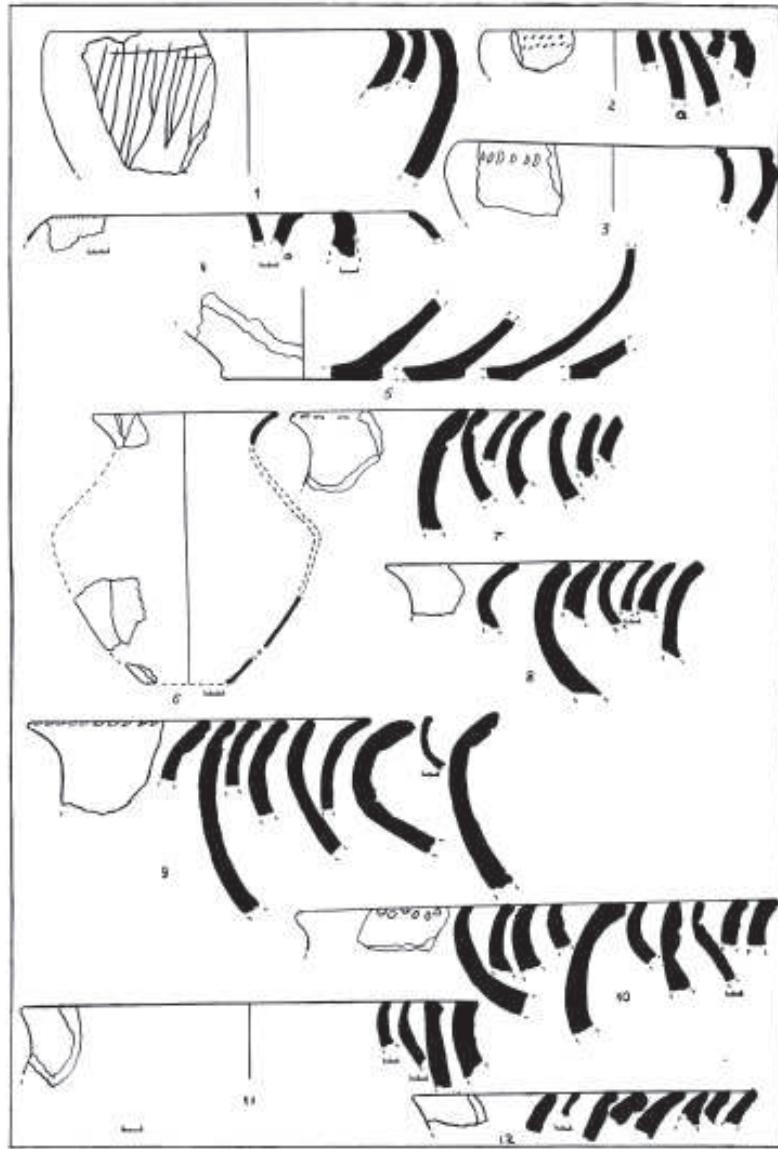

Рис. 2

Рис. 2 к статье И.В. Каминская, Д.В. Цокур «Поселение Каменные Столбы эпохи поздней бронзы в бассейне реки Лабы на Северо-западном Кавказе»

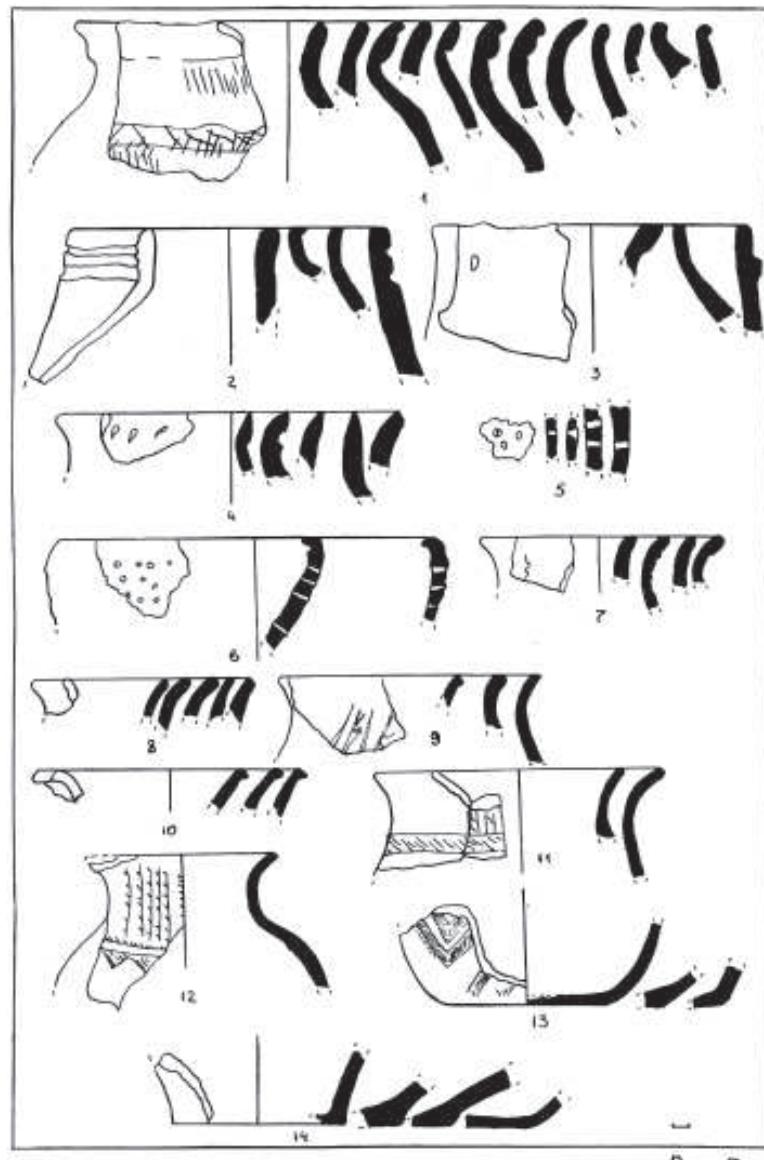

Рис. 3

Рис. 3 к статье И.В. Каминская, Д.В. Цокур «Поселение Каменные Столбы эпохи поздней бронзы в бассейне реки Лабы на Северо-западном Кавказе

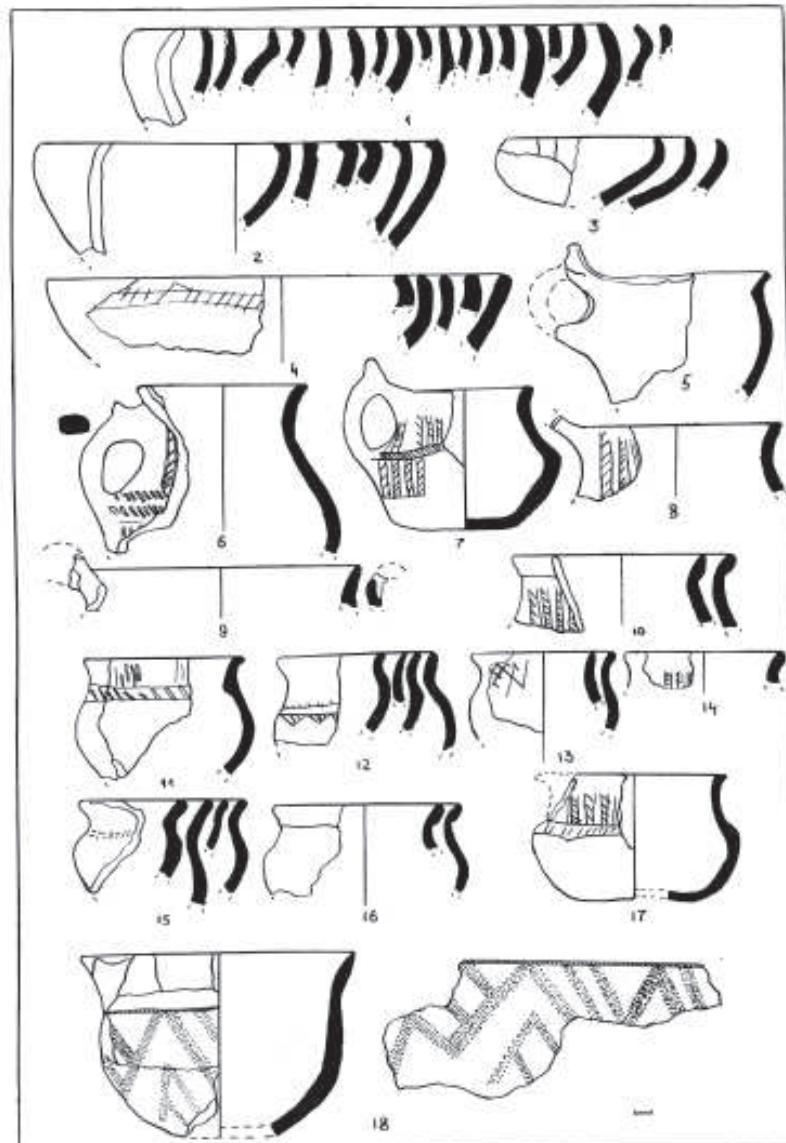

Рис. 4

Рис. 4 к статье И.В. Каминская, Д.В. Цокур «Поселение Каменные Столбы эпохи поздней бронзы в бассейне реки Лабы на Северо-западном Кавказе»

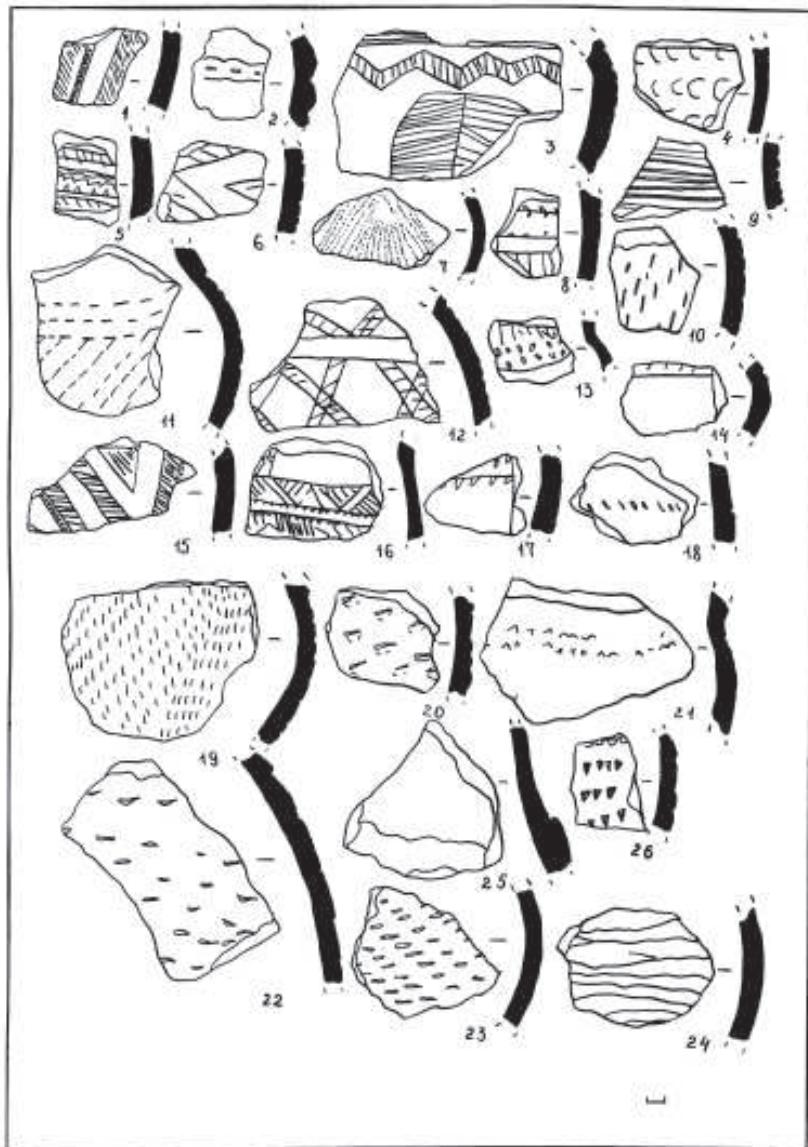

Рис. 5

Рис. 5 к статье И.В. Каминская, Д.В. Цокур «Поселение Каменные Столбы эпохи поздней бронзы в бассейне реки Лабы на Северо-западном Кавказе

Пьянков А.В., Пономарев В.П.

БРОНЗОВЫЙ ТОПОР ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТ. ШАПСУГСКОЙ

В 1996 г. житель ст. Шапсугской Абинского района Краснодарского края Руслан Лифатов нашел бронзовый топор кобанского типа. Место находки называется местными жителями урочищем «Петушок». В прошлом оно было известно под другим названием – «Ковское». Это урочище находится в 5 км от брода через р. Абин и в право от дороги, идущей из ст. Шапсугской в ст. Эриванскую. В следующем году этот топор был приобретен Абинским народным музеем, где он хранится и в настоящее время.

Топор бронзовый, литой, с овальной проушиной слегка деформированной, прямым корпусом, имеющим в сечении шестигранник и расширенным лезвием (рис. 1). Внешняя поверхность боковых сторон проуха украшена тремя продольными рельефными ребрами, напоминающими глаза. Обух выполнен в виде гвоздевидной шляпки каплевидной формы на очень короткой шейке. Местами поверхность покрыта тонким слоем патины. Его размеры: длина – 13,4 см, щирина проуха – 3,5 см, диаметр отверстия – 2,8 x 2,5 см, ширина лезвия – 5,3 см, диаметр шляпки – 2,6 x 2,1 см.

Металлические топоры были популярным видом оружия на Северном Кавказе во все периоды бронзового века из – за большой силы наносимого ими удара и значительному радиусу действия, большему чем у кинжала (10, с. 20). До конца эпохи бронзы металлические топоры имели круглое отверстие для насаживание на рукоять и только в колхида – кобанский период появляется овальная проушина, обеспечивающая более прочное скрепление металла и дерева (10, с. 20). Наш топор, как раз, имеет овальное отверстие. Несколько типов подобных топоров были распространены на Северном Кавказе у племен колхида – кобанского круга (см. 7, с. 54, рис. 23). Типологией и хронологией бронзовых топоров этого периода занимались многие исследователи (П.С.Уварова, А.А.Иессен, О.М.Джапаридзе, В.Б.Техов и др.). Мы остановимся на классификации В.И.Козенковой. Исследовательница на материале восточного варианта кобанской культуры предложила хронологическую классификацию различных категорий предметов. Топоры близкие шапсугскому, имеющие прямой корпус, она отнесла ко II типу I отдела и ограничила время бытования этого типа X – VII вв. до н.э. (9, с. 23). Этот тип объединил бронзовые топоры с прямым корпусом, отличающиеся, как правило, большими размерами и массивностью обуха.

Однако, в материалах западного варианта кобанской культуры присутствовали только два типа I отдела (для восточного варианта характерны четыре типа) и самым многочисленным оказался II тип, подразделяющийся на четыре варианта по ширине лезвия и по оформлению конца обуха (8, с. 67, 68).

Шапсугский топор имеет признаки сразу двух вариантов по типологии Козенковой. У него плоская гвоздевидная шляпка, как у двух топоров 3 – го варианта, речь идет о двух топорах из Пицундского клада, топоре из Боргустанского клада и топоре из клада у ст. Упорной (4, рис. 32, 2, 3; 37; 1, рис. 7; 8, табл. XVII, 8; XVIII, 2), и широкое лезвие, что характерно для 4 – го варианта (8,

табл. XVIII, 3 – 5). По своим пропорциям и небольшому размеру он ближе топорам 4 – го варианта. Особенно обращает на себя внимание своими неболь – шими размерами изящный топорик из Бекешевского клада (11, табл. VII, 3; 8, табл. XVII, 3). Заметим, что точной аналогии мы ему привести не можем.

Уплощенные шляпки известны не только у бронзовых топоров но и у железных, как у топора из погребального комплекса 298 Тлийского могильни – ка (13, рис. 20, 5), который датируется уже раннескифским временем. Что не удивительно, поскольку еще В.А.Ильинская находила прототипы скифских то – поров среди кавказских древностей (5, с. 48 – 52).

Шапсугский топор имеет черты сближающие его с некоторыми топорами новочеркасского и раннескифского времени. По размерам, по наличию шля – пок, а в одном случае и по украшению боковых стенок проушин близки шапсугской находке два топора, опубликованные Н.Г.Ловпаче (12, табл. VII, 2, 3). Один из них найден в разрушенном погребении могильника Кочипэ а второй у ст. Абадзехской.

Еще один бронзовый топор небольшого размера, имеющий шляпку и явно северокавказского происхождения найден у г. Краснограда на Украине (2, с. 111, 112; рис. 1, 8).

Предскифское время особенно богато на гвоздевидные и грибовидные шля – кина на металлических предметах. Они украшают трехпетельчатые, лопастные и «цимбальские» псалии, венчают различные типы скипетров, ручки котлов и т.д. (см. например: 14, рис. 13 и 15; табл. 6, 3 – 6, 9 – 12; 13, 5; 16, 1,2; 29).

Особенности шапсугского топора: его изящность, наличие гвоздевидной шляпки и ребристые украшения, напоминающие глаза, а так же приведенные параллели и наблюдения, позволяют нам датировать его в пределах второй полу – вины VIII – первой половины VII вв. до н. э., что соответствует времени бытования 4 – го варианта II типа кобанских топоров по наблюдениям Козенко – вой (8, с. 69).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтекарев А.З., Козенкова В.И. Клад из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986, № 3
2. Буйнов Ю.В., Грубник-Буйнова Л.П. Бронзовые изделия предскифского периода из днепровского лесостепного Левобережья // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 2. Днепропетровск, 1985
3. Иессен А.А. Некоторые памятники VIII - VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
4. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно - бронзового века // МИА. м.; Л. № 23
5. Ильинская В.А. Скифские секиры // «Археология», XII. Киев, 1961 (на укр. яз.)
7. Козенкова В.И. Культурно - исторические проблемы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке. М., 1996
8. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. М., 1995
9. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ В2-5. М., 1982
10. Кореневский С.Н. Втульчатые топоры - оружие ближнего боя эпохи средней бронзы

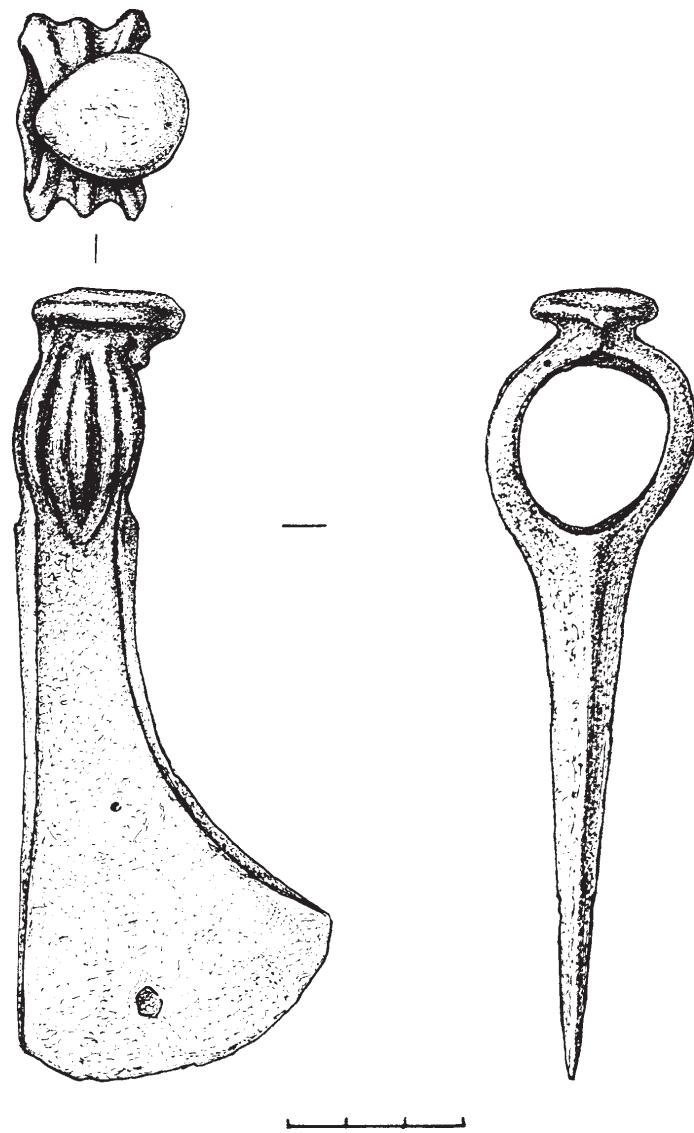

Рис. 1. к статье Пьянкова А.В. и Пономарева В.П. «Бронзовый топор из окрестностей ст. Шапсугской».

- Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981
11. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960
12. Ловлаче Н.Г. Могильник Кошилэ (восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов. Вып. VIII.
Майкоп, 1991
13. Техов В.Б. Скифы и Центральный Кавказ в VII - VI вв. до н. э.. М., 1980
14. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994
-

Кондряков Н.В.

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЛАЗАРЕВСКОГО РАЙОНА г. СОЧИ

Результаты многолетних исследований, проведенных автором совместно с Кондряковым В.М., обобщение полученного материала позволяют сегодня сде- лать некоторые выводы по вопросу возникновения и развития железоделания в Лазаревском районе г. Сочи.

Ранее памятники железоделательного производства в Лазаревском районе никем не фиксировались, и до настоящего времени планомерных раскопок (за исключением незначительных расчисток) на этих памятниках не проводилось, поэтому предлагаемый материал носит, в основном, характер результатов визу- альных осмотров и предварительных выводов.

В настоящее время широко распространено мнение о том, что желе- зоделательное производство на Кавказе ведёт свое начало с возникновения античных поселений в Северном Причерноморье VIII – VI вв. до н.э. [1]. Здесь отмечается использование местных руд, технологический процесс, характерный для сырьедутного производства и т.д.

Однако в одном из древнейших эпосов – нартском, бытующем у абхазов, адыгов, балкариев, чечено – ингушей, осетин, мы находим бога – кузнеца, а в связи с ним архаические черты металлургии железа, преподносимого в эпосе как суперметалл (по мнению ученых эпосу не менее 3 тысяч лет). Все это, а также самоназвание причерноморских Шапсугов и Натухайпев – «Агучипс» [2], (Ш.Х. Хут приводит следующий обычай: «Если в семье рождался долгожданный мальчик, то его несли в кузницу, и кузнец окропывал его водой, в которой закалял железо. Желая, чтобы ребенок имел крепкое здоровье и жил долго, ему давали имя Гъучыпс, что в переводе на русский язык означает «Железная душа». [3]), сакрализация железа как металла, выделение металлургов – кузне- цов в отдельный клан свидетельствует о возможномaborигенном происхожде- нии металлургии железа. В то же время Е.Д. Фелицын свидетельствовал: «...до- бывание металлов вовсе не было известно горцам... С 15 столетия главными поставщиками металлических вещей для горцев являлись турки и Крымские та- тары. Сближение с русскими нисколько не способствовало развитию у них это- го производства». [4]. Отсутствие фактического материала о развитии железоде- лания в Лазаревском районе г. Сочи в работах археологов, историков, этног- рафов объясняется слабой изученностью района, появление в адыгских сказа- ниях о Тлепше, Саусырыко фрагментов технологического процесса металлургии

железа и выплавки стали не могло быть случайностью, вымыслом, фантазией, кроме того, возникновению железоделания способствовала и геология района.

Лазаревский район г. Сочи богат двумя типами железных руд. Это прежде всего сидерит (железный шпат), конкреции которого встречаются в песчаниках и аргиллитах нижней части разреза меловой системы, и лимонит (бурый желез – ник), встречающийся в зонах химического выветривания сидеритов. Для процесса восстановления железа наиболее удобен лимонит, но пока обнаружены единственные выходы лимонита в долине р. Годлик вблизи с известным доль – меном – монолитом. Следует отметить, что все рудопроявления выходят на поверхность в обнажениях по долинам рек и ручьев, т.е. легкодоступны, их добыча не требует специальных горных выработок. Именно вблизи рудопроявлений нами были обнаружены, как потом выяснилось, многочисленные, памятники железоделания. Они представлены как памятниками непосредственно железо – делания, так и памятниками, так или иначе связанными с металлургией железа. Для более полного представления предлагается краткая характеристика некоторых из них:

1. Остатки плавильной печи: шлак, крица, фрагменты лимонита. Обнаружен в бассейне р. Годлик в 30 м выше по течению от дольмена – монолита. В верхней части глыбы, в которой высечена камера дольмена расположена ритуальная площадка с углублением (диаметр около 50 см, глубина около 40 см). Углубление могло служить как жертвенник и как ступка для ритуального дробления руды.

2. Каменное корыто. Расположено в 1 км восточнее дольмена – монолита р. Годлик в составе дольменной группы «Сортучасток». Изготовлено из песчаника. Имеет размеры: 220 см в длину, 50 см в высоту, 60 см в ширину; длина углубления 170 см, ширина 40 см, глубина 25 см.

3. Остатки плавильной печи: шлак, крица, обломки внутренней глиняной обкладки со следами окалины, капелька бронзы, обломки кварцевого песчаника со следами окалины. Расположен по правому борту р. Псезуапсе 3,5 км к востоку от аула Тхагапш (Кирова). Рядом расположены курганный могильник, на вершине холма разграбленный курган, содержащий каменный ящик; дольменная группа со следами впускных захоронений (целостность дольменов искусственно нарушена, сверху курганный насыпь), жилые террасы (песчаниковый фундамент, сухая кладка), т.н. расколотые камни с внутренней песчаниковой засыпкой, содержащей крицу, как непременный атрибут.

4. Остатки плавильной печи: аналогична предыдущей по материалу и сопутствующим памятникам. Расположена по правому борту р. Псезуапсе в 3,4 км к востоку от аула Тхагапш.

5. Каменная ступка. Обнаружена на хребте Нихетх в 4 км к северу от аула Тхагапш в составе дольменной группы «Нихетх» перед фасадом дольмена № 3. Углубление неправильной формы в валуне песчаника. Размеры: длина около 50 см, ширина ок. 35 см, глубина около 30 – 40 см. Могла использоваться как для ритуального дробления руды, так и как жертвенник.

6. Остатки плавильной печи: шлак, крица. Памятник расположен по правому борту реки Псезуапсе в 4 км к западу от пос. Татьяновка. Рядом обнаружены т.н. раколотые камни с внутренней каменной засыпкой. При расчистке одного из них в засыпке найдена крица, два фрагмента неорнаментированной

желтой керамики, Фрагмент глиняной курительной трубки.

7. Остатки плавильной печи: шлак, крица. Фрагменты глиняной обмазки со следами окалины, два фрагмента жернова из песчаника толщиной около 10 см, диаметром около 70 см. Обнаружен по правому борту р.Аше в 2 км к северу от аула Калеж. В 10 м от печи отела, обработанная в виде лезвия обоюдоостро –го кинжала трансильвано – кобанских [5] форм. Рядом группа дольменов со сле –дами впускных захоронений (нарушена целостность дольменов, заключенных под курганную насыпь). В курганной насыпи одного из них обнаружена крица.

8. Остатки плавильной печи: шлак, крица. Фрагменты глиняной обмазки со следами окалины. Расположен по правому борту р. Аше на восточном скло –не горы Мизегух в урочище Хаяляпо. Рядом с печью обнаружено более десятка т.н. расколотых камней с внутренней и внешней засыпкой. При осмотре уста –новлено, что практически каждый расколотый камень в засыпке содержит кри –цу. Здесь же несколько жилых террас (песчаниковый Фундамент, сухая клад –ка), на одной из которых найден фрагмент венчика железного котла, по форме генетически восходящий к эпохе поздней бронзы – раннего железа [6].

9. 4 обломка бурого железняка перед Фасадом дольмена. Дольмен располо –жен в верховьях ручья Свирский в урочище Черноморка. Был засыпан отвалом при прокладке газотрассы в 1997 г. В этом же году Лазаревским ВНТК КТК была проведена расчистка памятника. После расчистки перед Фасадом памят –ника была проведена частичная вскрыта почвенного слоя. В результате перед Фасадом обнажились плиты разрушенного «дворика» или дромоса. Между пли –тами были найдены четыре обломка (куска) бурого железняка со следами искус –ственного скальвания (ближайшееrudопроявление лимонита находится в 9 км по прямой в бассейне р. Годник).

Наличие памятников такого типа, их количество и взаиморасположение позволяет предполагать, что на территории Лазаревского района г. Сочи суще –ствовал довольно крупный центр по выплавке железа из местных руд. Условно можно выделить около трех этапов развития железоделательного производства. Наиболее ранний соотносится с поздней дольменной культурой исследуемого региона. Для него характерно: использование лимонита, производство железа в очень небольших количествах для изготовления ритуального оружия и инстру –ментов для обработки дольменов /это предполагает наличие дольменов, изго –товленных из гранит – порфира, материала, практически недоступного для обра –ботки каменными и бронзовыми орудиями/, сильная сакрализация железа. К этому этапу можно отнести памятники №№ 1,2,5,9, охарактеризованных выше.

Средний этап, видимо, связан со сменой населения на территории совре –менного Лазаревского района и соотносится о концом II /?, нач. I тыс. до н.э. Его характеризует вторичное использование памятников дольменной культуры для захоронений с предварительным нарушением целостности, появлением за –хоронений в каменных ящиках, использование сидерита как руды на железо; продолжением сакрализации железа, но в несколько меньшем объеме; появлени –ем обряда «захоронения криц» в курганных насыпях и засыпке расколотых кам –ней (обряд отражен в нартском эпосе как рождение Саусырмко: «по истечению девяти месяцев и девяти дней бог огня, железа и кузничного ремесла Тлепш расколол камень и вытащил из него пылающего мальчика...» [7]), обособлением клана кузнецов – металлургов («после завершения учебы он (Тлепш) поселял мо –

лодых мастеров в специально построенные для них дома. Недалеко от этих домов строились кузни».[8]), что подтверждается фактическим археологическим материалом. К этому этапу следует отнести памятники №№ 3,4,7.

Поздний этап развития железоделательного производства на территории современного Лазаревского района должен соотноситься с периодом возникновения крепостного и оборонительного зодчества в районе г. Сочи. С этим же этапом и периодом соотносятся печи для производства керамики и стекла бассейна р. Псезуапсе, обнаруженные и исследуемые нами в 1996–1997гг. Керамика и стекло аналогичны находкам на территории крепости на р. Годлик, Ачилсе и др. Для металлургии этого периода характерно использование сидерита, угасание сакрализации железа и металлургического процесса в целом; исчезновения обряда «захоронения криц» в расколотых камнях; появление массового производства железа для бытовых нужд. К этому этапу следует отнести памятники №№ 3,4,6,7,8 (?)

Разделение на этапы и характеристика последних в настоящее время доста-точно спорны и гипотетичны. Лазаревский район г. Сочи при всей его колос-сальной насыщенностью памятниками археологии, истории и этнографии, к сожалению, пока остаётся «белым пятном» для полевой археологии. Надеемся, что в ближайшем будущем этот пробел будет заполняться. Активное разрушение памятников в результате хозяйственной деятельности человека, природных процессов диктует необходимость проведения археологических раскопок в самое ближайшее время. Считаем целесообразным проведение археологических работ на комплексах №№ 3,4,7,8 (особенно раскопок впускных захоронений в дольме-нах, погребений типа каменных ящиков, непосредственно самих печей и т.д.). Это позволит уточнить хронологию железоделательного производства, даст бо-льше полное представление о древних технологиях этого интереснейшего региона Черноморского побережья Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология СССР. т. Античные государства Северного Причерноморья. стр. 162-163. М.: Наука, 1984
 2. Люлье Л.Я. Чёркессия. Историко-этнографические статьи. стр.16. М.Ц.Т. К. Возрождение , 1990
 3. Хут Ш.Х. Несказочная проза адыгов, стр.94. Майкоп, 1969
 4. Пейсонель М. Исследование торговли на чёркесско-абхазском берегу Чёрного моря в 1750-1762 годах (изложения Е.Д. Фелицына), стр.32. М.Ц.Т.К. «Возрождение . 1990
 5. Археология СССР Авдусин Д.А. стр. 105,113. М.: Высшая школа, 1967.
 6. Скифия и Кавказ. ст. Техов Б.В. Скифы и материальная культура центрального Кавказа в VII-VI в.в. до н.э., стр.219-257. Ловпаче Н.Г. Могильник кочипэ (восточны) и в Майкопе в сб. Культура и быт адыгов, стр.76-102. Майкоп, 1991
 7. Хут Ш.Х. Несказочная проза адыгов, стр.93. Майкоп, 1969
 8. Хут Ш.Х. Несказочная проза адыгов, стр.164. Майкоп, 1969
 9. сб. Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Ека-теринбург, 1997
-

Хачатурова Е.А.

ПЕРГАМСКИЙ ГЛАЗУРОВАННЫЙ КУБОК ИЗ А.ШЕНДЖИЙ В ФОНДАХ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ *

В стопятидесяттысячной коллекции Краснодарского музея хранится до – вольно редкий предмет — глазуроованный кубок — скифос. В музей он попал вместе с другими предметами, собранными Н.В.Анфимовым в 1965 г. после разрушения трех курганов близ поселка Шенджий Октябрьского района Республики Адыгея. Бронзовая итальянская посуда из разрушенных погребений была опубликована В.В.Кропоткиным и Н.В.Анфимовым (3; 1, с. 234).

Скифос склеен из трех фрагментов и составляет лишь половину сосуда. Размеры его следующие: диаметр венчика — 12 см, диаметр донца — 7 см; высота — 9,8 см. Глазурь на внешней и внутренней поверхности местами сбита, изнутри на стенках и на дне поверх глазури заметны следы вторичного прокала — закопченность. На сохранившейся ручке отбита часть горизонтального упора и одна из волют на конце упора; утрачены верхние половины двух рельефных фигур. Кубок полушиаровидной формы, восходящей к металлическим образцам (2, с. 63 — 65). Ручки кольцевидные, снабжены внизу завитком и характерным упором для большого пальца сверху. Сосуд сделан из хорошо отмученной светло — коричневой глины с мелкими темными включениями, обжиг неровный, из — под осы — павшейся глазури видны участки поверхности от светло — коричневого до серого цвета. Рельефные украшения выполнены из аглобастра и прикреплены к скифосу, также прикреплены и ручки, и кольцевой поддон. Изнутри и снаружи кубок покрыт тонким слоем желтовато — коричневой глазури, которая на белых рельефных фигурах приобретает более яркий зеленоватый тон. В верхней части сосуда, под венчиком — два пояска из резных линий. Под ними — поясок из оттиснутых ов. Центральный рельефный фриз, выполненный из отшлифованных аглобастровых фигур, представляет собой сюжеты дионасийского круга — силенов и менад с различными предметами в руках. Сохранились 5 фигур из 8. По обеим сторонам ручек, вероятно, были размещены силены, в центре — по две фигуры менад. Сохранившиеся фигуры силенов изображены с музыкальными инструментами — тригоном (арфой) и двойной флейтой; один из них (тригоном) в опущенной руке держит кувшин. Менада слева стоит, склонившись над алтарем в профиль вправо, в левой приподнятой руке держит блюдо с фруктами. Верхние части двух других фигур менады и силена сбиты.

Глазуроованный скифос Краснодарского музея можно отнести к группе судов, которых насчитывают в бывшем СССР 13, большинство которых (9) — скифосы (4, с.21 — 32). Центр их производства находился в Малой Азии, в Пергаме. Отличительной чертой, характеризующей его, является рельефная полоса из ов, отделяющая центральный фриз с изображениями, завиток снизу на ручке. 8 скифосов, обладающих общими чертами, которые позволяют связывать их с одной пергамской мастерской, наиболее близки краснодарскому кубку и датируются I в. до н.э. I в. н.э. Эту датировку подтверждают и, может быть уточняют, датировки предметов итальянского импорта из Шенджийских курганов, сделанные Б.А.Раевым в 1984 г. — I в. до н.э. — первая половина I в. до н.э.

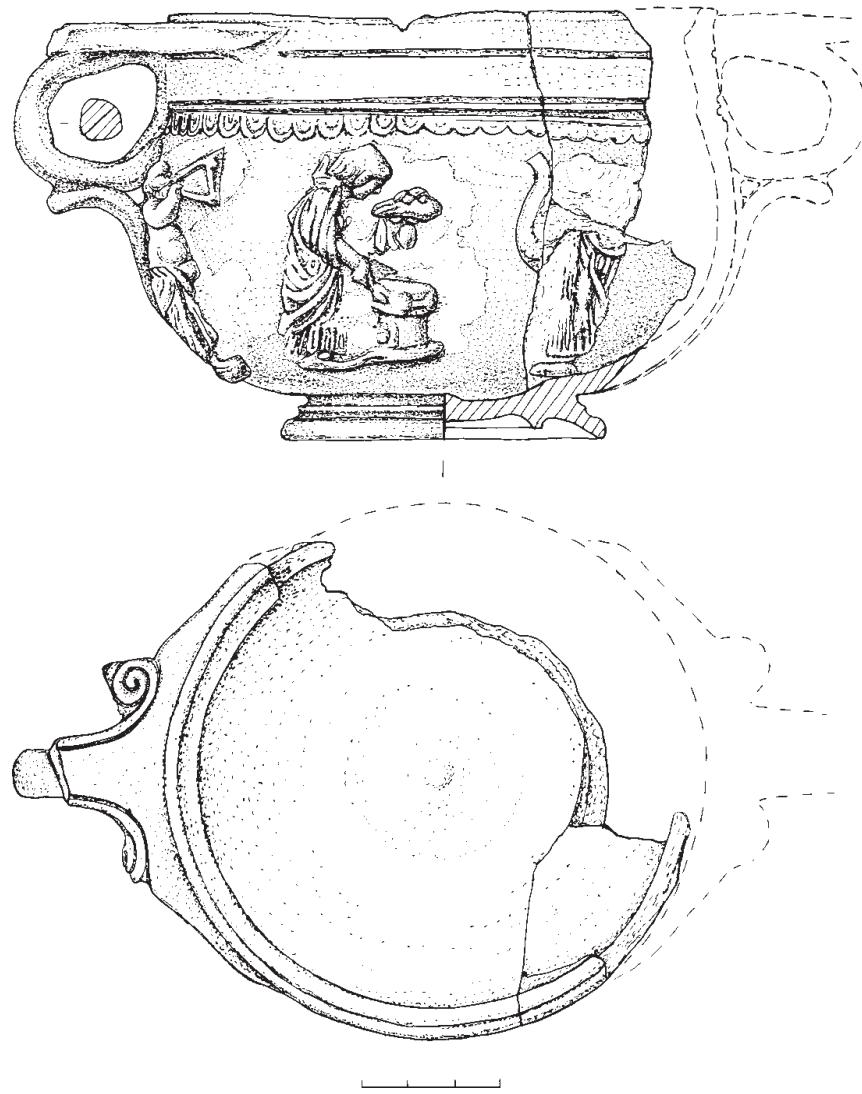

Рис. 1 к статье Хачатуровой Е.А. «Пергамский глазированный кубок из а.Шенджий в фондах Краснодарского музея

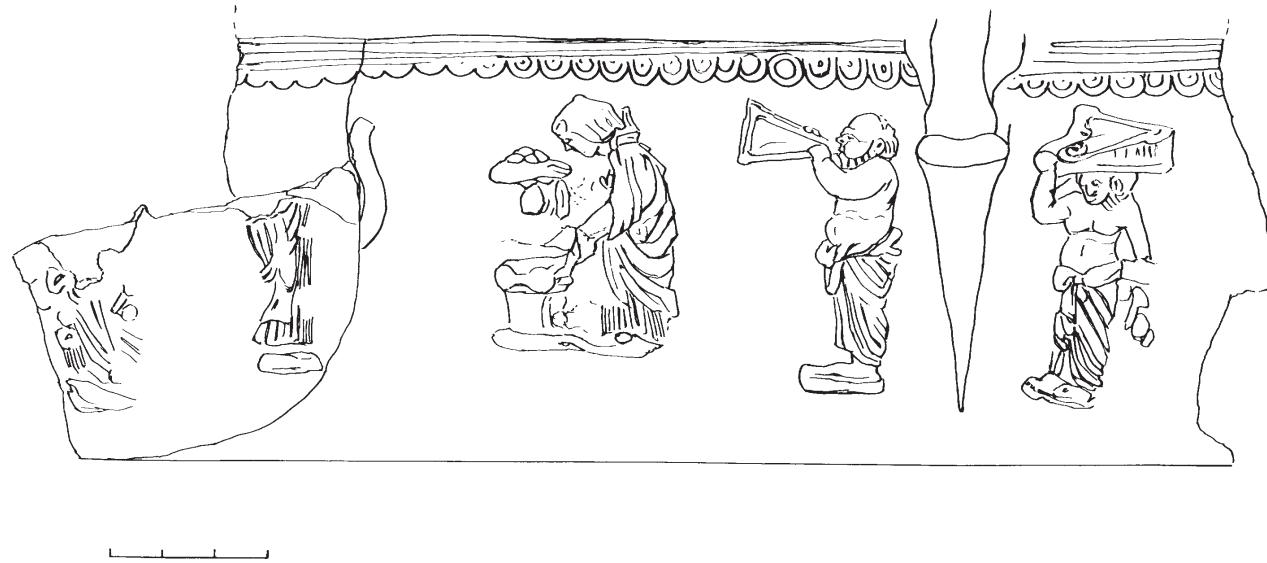

Рис. 2 к статье Хачатуровой Е.А. «Пергамский глазурованный кубок из а.Шенджий в фондах Краснодарского музея

ПРИМЕЧАНИЯ

* Данная публикация основана на докладе сделанном на II Кубанской археологической конференции (Краснодар 1993).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

1. Анфимов Н.В. Импорт бронзовой итальянской посуды в Прикубанье //Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.
2. Голенцов А.С. Античный поливной сосуд из Северо-западного Крыма //КСИА 1971 вып. 128.
3. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в. н.э.) // САИ Д1-27 N 772 М., 1970.
4. Марченко И.Д. Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР //КСИА 1971 вып. 128.

Берлизов Н.Е., Еременко В.Е.

ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Проблема кельто – сарматских связей не ставилась в археологической литературе до сер. 1980х гг., хотя кельтские импорты из сарматских погребений ис – пользовались как надежный датирующий материал. В частности, сарматологи волгоградской школы использовали находки среднелатенских фибул для омоложения позднепрохоровских памятников /20, С. 170, 173; 18, С. 156/. С выходом работ З. Возняка, В. Зирры и Х. Поленца, посвященных хронологии латенских древностей к востоку от Карпат /24, 27, 30/ появилась возможность «замкнуть кольцо» их исследования вокруг Черного моря. Кроме того были пересмотрены хронологические рамки среднего и позднего латена, произошел своеобразный возврат /но уже на новом научно – методическом уровне/ от схемы Я. Филипа /23/, которой придерживалось большинство советских исследователей, к датировкам П. Рейнеке /25, 26/. В 1985 г на заседании семинара «Хронограф» В.Е. Еременко впервые использовал передатированные фибулы среднелатенской схемы для реконструкции кельто – сарматских контактов во II – I вв. до н.э.. Его гипотеза была конкретизирована в защищенных через год дипломных работах авторов данной статьи /2, 8/ и в первом ее варианте, тезисы которого были опубликованы 10 лет назад /9/. В дальнейшем она в целом была поддержаня М.Б. Щукиным /26, Р.239/ и И.И. Марченко /10; 14, С. 126/. В настоящее время, после публикации новых находок кельтских украшений, оружия, металлической посуды /14, 17, 16 и др./ из сарматских памятников, мы считаем необходимым опубликовать свою работу в полном объеме с учетом новых находок и концепций.

Итак, в настоящее время известно около ста пунктов на территории Сарматии /исключены находки в позднескифских и раннеаланских памятниках/ с кельтскими изделиями эпохи среднего и позднего латена.

С учетом современных датировок они могут быть отнесены к Латену С2 –

раннему римскому времени /В1а по Р. Воллангевичу – 28/ и разделены на три хронологических подгруппы.

Первая подгруппа относится преимущественно ко второй половине средне – го латена /ступень С2 или 200/180 – 120 гг. до н.э./. К этому времени можно отнести копьевидные фибулы с восьмерковидными петлями на спинке; фибу – лы, у которых обмотка свободного конца ножки вокруг спинки заменена креп – лением из хомутиков, фибулы со свободным концом ножки; фибулы с крепле – нием к спинке раскованного «лапку» свободного конца ножки. При этом фи – булы первых двух вариантов находят датированные аналогии в средней и юго – восточной Европе, относящиеся к Латену С1 – С2 /12, Рис.3, 5/. Нижнюю дату остальных подкрепляет находка их в катакомбах №39 и 90 Беляусского могиль – никна; в первом случае костяк с фибулой со свободным концом ножки сопровож – дался чернолаковой керамикой II в. до н.э. и перекрывался еще двумя костяка – ми II в. до н.э. /15, С.212/, а во втором скелет с фибулой с раскованным в «лапку» свободным концом ножки перекрывался семью /!/ костяками с инвен – тарем II в. до н.э. /Там же/. Фибулы этих вариантов открыты на Кубани /Хопперская к. 11 п.8; х. Пролетарский к. 3/84 п.3; Раздольная к.14 п.1; ПКОС – 79 к.41 п.5 – 11,14,21/, Дону /Арбузовский к.7 п.8/, Таврии /Привольное к.1 П.1 – 19/, в Молдавии /Безены – 6/ и Заволжье /Быково – 77 к.2 п.3, Новоникольское к.3 п.7 20/. К этой же подгруппе можно отнести два комплекса с бронзовыми ведерками типа «Баргфельд», производившимися в галльских мастерских Север – ной Италии со II в. до н.э. по 200 г. н.э. /16, С.167 – 168/. Это находки с Кубани и Дона /Приазовская к.8/9 п.5; Арбузовский к.7 п.8/. Кельтскими счи – таются и литые бронзовые браслеты, украшенные рядами строенных шишечек, обнаруженные в двух погребениях II в. до н.э. на Кубани /Брюховецкая – 78 к.1 п.5; Новотитаровская – 70 к.10 Р.П. – 14, 13/. Восточно – кельтским, вероятно, является железный шлем из комплекса II в. до н.э. в к.1 п.3 у хут. Бойко – Понура /17/.

Вторая подгруппа включает предметы, датируемые в пределах кон. II – пер –вой пол. I в. до н.э. /Латен Д1 – начало Латена Д2/. Эта подгруппа самая многочисленная и представлена памятниками, протянувшимися от Дуная до Заволжских степей и от Воронежа до предгорий Кавказа. К этому времени отно – сится массированный выплеск в сарматские степи среднелатенских фибул «не – апольского» варианта, «копьевидных», «беляусских», зарубинецких. Встреча – ются и фибулы, характерные для предшествующего этапа. Всего мы собрали сведения о 38 целых и фрагментированных экземплярах. На Нижнем Дону и Кубани /а в последнее время – в Центральном Предкавказье/ концентрируются находки литых бронзовых шлемов «Монтефортино» и местных подражаний им. Собственно кельтские шлемы относятся к достаточно раннему варианту А/В IV – III вв. до н.э., но происходят, как правило, из комплексов первой пол. I в. до н.э. /17/. По – прежнему /правда только на Кавказе/ встречаются литые брон – зовые браслеты с рядами строенных шишечек. Расширяется ассортимент кель – тской бронзовой посуды. Он включает помимо ведерок типа «Баргфельд» сково – родки типа «Айлесфорд», кружечки типа «Идрия», ведерко типа 52 по Х. Эгтер – су /22/. Большинство материалов этой и предшествующей групп /за исключи – ем явно – зарубинецких фибул из к.1 п.1 р. Лычково III, к.11 гр. Аккермень I/ находят аналогия в Подунавье, Северной Италии и Малой Азии.

Третья подгруппа включает погребения второй половины /м.б. последней трети/ I в. до н.э. – начала I в. н.э. /м.б. первой трети/. Характер импорта в этот период изменяется: преобладают бронзовые сосуды. Это поздние находки сковородок «Айлесфорд», кружки «Идрия», кувшинчика типа «Галларате», бронзовой амфоры, крышки котла /?/. Найдены фибулы ограничиваются тремя экземплярами, причем в двух случаях /Армавир к.4, Михайловская к.9 п.25/ в конструкции застежек сочетаются позднелатенские и средне – и даже раннелатенские черты, что затрудняет поиск аналогий. Шлемы, в изобилии встречавшиеся в донских и кубанских комплексах второй подгруппы, представлены теперь двумя экземплярами из Закубанья и Заволжья /Курганинск к.1 Святилище, Мариенталь к. Д22/. Кельтской по происхождению должна быть и кольчуга, обрывки которой представлены в материалах Курганинского святилища середины – второй трети I в. до н.э.. Ареал распространения браслетов со строеными шишечками смещается из Прикубанья на запад – в степи Таврии /Вишневое к.18 п.3, II Аккермень Вост. гр. к.8; Мамай Оба IV п.1/ /7,5.10а/.

Сведения античных источников позволили связать появление импортов первых двух подгрупп с результатами объединительной политики понтийских царей.

В войне с Вифинией, Каппадокией и Пергамом Фарнак I Понтийский обращается к союзу с галатами – давними врагами Пергама. Результатом войны был захват Фарнаком I Синопы и превращение последней в столицу Понта в 179 г. до н.э.. По договору с Херсонесом, заключенному при посредничестве Рима, за Фарнаком закреплялись Тий, Синопа и Керасунта. Одним из гарантов договора выступил царь сарматов Гатал. Распространение импортов первой подгруппы практически совпадает со списком союзников Фарнака и по происхождению может быть связано с малоазийскими галатами. К этому же времени относится сарматская «реконкиста» в степях Задонья, Предкавказья и Украины /4/, где по свидетельству Страбона расселились аорсы, сирахи и роксоланы /Strabo, Geogr., XI, V, 8/. Наличие в зоне расселения первых двух объединений большинства импортов Латена C2, позволяет предположить, что сирахи и аорсы поддержали Фарнака I в войне 183 г. до н.э. и Гатал возглавлял одно из этих племен /либо выступил в качестве командира сводного «экспедиционного корпуса»/. Импорты этой подгруппы встречены также у скифов Крыма и варваров Центрального Предкавказья, которые также могли участвовать в войне 183 – 179 гг. до н.э.. Отсутствие сведений о них в тексте договора позволяет предполагать, что скифы либо входили в состав войск Гатала, либо воевали на стороне противников Понта. Последнее вполне вероятно, учитывая изначальную враждебность скифов Митридату Евпатору примерно через 70 лет.

После смерти Фарнака I римляне разрушили созданную им систему союзов, но не устранили объективных предпосылок для ее реанимации. Пришедший к власти в 116 г. до н.э. Митридат Евпатор в совершенно иной политической обстановке, при огромном усилении позиций Рима на Востоке, предпринял блестящую попытку превратить Понт Эвксинский во внутреннее море Понтийской державы. Перисад передает ему власть на Боспоре, в зависимость от Митридата попадает Херсонес, подавление путча Савмака, по – видимому, окончательно сломило сопротивление скифов новому властителю. В 101 г. до н.э. были подчинены Галатия и Пафлагония, и галаты вновь оказались вовлечены в орбиту понтийской политики.

В борьбе с Римом Митридат изначально опирался на союз с варварами Причерноморья, сохранив альянс с галатами и сарматами, к которому в дальнейшем присоединились скордиски и бастарны. Был заключен союз с Тигром – ном II Армянским и мятежным римским полководцем Квинтом Серторием. Инструктора последнего реорганизовали армию Митридата по римскому образцу, именно в этот момент по мнению М.Б. Щукина к сарматам могли попасть устаревшие кельтские шлемы.

В 63 г. до н.э. война окончилась полным поражением и самоубийством Митридата. Из всех союзников до конца с ним оставались только наемники – галаты. В том же году римляне реорганизуют Галатию. Понт Эвксинский становится внутренним морем Рима. И вновь фиксируется совпадение распространения латенских импортов II хронологической группы с перечнем союзников Митридата VI. Только совместные походы сармат, галатов, скордисков, бастарнов, западнопонтийских городов, Ольвии и Херсонеса могли служить причиной синхронного появления однотипных кельтских изделий. Из Галатии могли попасть к сарматам и скифам фибулы «неапольского» варианта, от скордисков – копьевидные фибулы, от бастарнов – зарубинецкие. Шлемы «Монтефортино» могли быть получены из арсеналов Митридата VI, как считает М.Б. Щукин, либо, что менее вероятно, результатом грабежей в Галатии, как считают Б.А. Раев, А.В. Симоненко и М.Ю. Трейстер /17, С.124/. Возможно, именно от галатов сарматы получают первые кольчатые панцири, известные по находкам в Курганинске и Мелитополе /обе находки относятся к I в. до н.э., когда кольчуги использовались лишь кельтами, римляне примут их на вооружение в I в. н.э., а парфяне во II – III вв./.

В пользу таких выводов говорят наблюдения И.И.Марченко и И.П. Засецкой за распространением в Сарматии стеклянных малоазийских канфаров, первые две волны которых хронологически совпадают с первыми выплесками латенских импортов к степнякам /10, 14 С.44 – 47, 126 – 128/, а также анализ по – зднелатенских бронзовых сосудов, проведенный Б.А. Раевым /16/. При этом Б.А. Раев считает, что эти сосуды попали к сарматам – союзникам Митридата VI в результате грабежей в Азиатских провинциях, включая Галатию /Там же, С.174 – 175/. Наконец, В.Н. Каминский обратил внимание на полное сходство золотых фибул – брошей из кубанских курганов II – I вв. до н.э. – нач. I в. н.э. и брошей, изображенных на статуях из Пергама /например, полный аналог был найден для фибулы из п.14 к.2 из ст. Михайловской/. Это позволяет считать броши из сарматских курганов Кубани не Боспорской продукцией /так их атрибутировал А.К. Амброз – 1, С.30/, а импортом из Малой Азии и связать находки II – первой пол. I вв. до н.э. с упомянутыми выше событиями.

К интерпретации импортов третьей хронологической подгруппы в первом варианте данной работы мы не обращались, т.к. большинство из них было открыто либо опубликовано уже после его публикации либо непосредственно перед нею. В настоящее время характер импортов и их датировка /позднее пред – римское – раннее римское время/ не позволяет связать все их с единственным узелком событий.

Последний непосредственный контакт сарматов и малоазийских кельтов мог состояться в 47 г. до н.э., когда наследник Митридата Евпатора Фарнак II попытался восстановить державу отца в прежних границах. Страбон отметил по –

мощь мятежному царю со стороны кубанских сираков и донских аорсов, руко водимых Абеаком и Спадином и выставивших около 220 000 воинов /Strabo, Gejrg., Op. cilt/. Следствием этих событий, завершившихся знаменитой депешей Цезаря «Пришел, увидел, победил!», можно считать появление последних среднелатенских фибул в п.10 к.40 у х. Арпачин и п.14 к.1 у Верхнего Погромного, браслета с шишечками и сковородки «Айлесфорд» из п.15 кургана «Овальный» на Понуро – Калининской системе в Приазовье, ситулы типа 52 по Х. Этгерсу из п.19 кургана у ОПХ «Рассвет» под Краснодаром, шлема «Монтефортино» из к.Д22 у Мариенталя. Возможно, к числу последних малоазийских трофеев сира – ков относятся стеклянные канфары из Новокорсунской и Новокубанска /впрочем, скорее они относятся уже к началу нашей эры: по сведениям Б.А. Раева стекло, из которого изготовлены канфары содержит примесь марганца, появившуюся только в I в. н.э./.

Фибулы из Молдавии /Никольское, Холмское п.4, Турлаки к.7/ скорее попали к сарматам в результате первых контактов с дунайскими племенами, например во время рейда язигов 16 г. до н.э. /Di. Cass. Lx, 30,3/. Отражением этих же событий, вероятно, является находка бронзового браслета с шишечкой – ми в кургане у с. Вишневое Одесской обл..

Непосредственные контакты кельтов /по крайней мере малоазийских/ с сарматами в источниках императорского периода не фиксируются. Вместе с тем, в сарматских погребениях эпохи Августа и начала правления Тиберия встречаются малоазийские стеклянные канфары, золотые броши, позднелатенские сосуды /х. Виноградный, Калиновка к.55 п.8 Соколова Могила/ либо части их /Песчаный к.1 п.10, х. Новый к.20 п.2/, фибулы /Соколова Могила, Армавир к.4, Михайловская к.9 п.25/, браслеты с шишечками /II Аккермень Вост. гр. к.8, Мамай Оба тр. IV п.1/. В ряде случаев эти находки сделаны вкупе с импортами иного – восточного производства. К ним мы относим украшения в модифицированном ордосском /т.н. «бирюзово – золотом»/ зверином стиле, зеркала китайского и бактрийского типов, находки шелка, кусочков согдийского опия – сырца, длинных мечей с напускным бронзовым перекрестием. Перекрестная датировка позднелатенских и восточных импортов позволяет установить, что они попадают к сарматам в течение последней трети I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э., что совпадает с начальным этапом функционирования северного участка Великого Шелкового пути /3/.

В заключение отметим, что уточнение хронологии латенских импортов заставляет археологов отказаться от датировок Я. Филипа и А.К. Амброза как явно устаревших. Попытки омоложения с их помощью позднепрохоровских комплексов вряд ли перспективна: самые поздние фибулы среднелатенской схемы относятся ко времени не позднее сер. I в. до н.э.. Возможно, в связи с этим придется опустить до этой даты рамки бытования лучковых подвязных фибул варианта 1 – 1 по А.К. Амброзу: в противном случае между их появлением и выходом из употребления среднелатенских фибул окажется ничем не заполненная хронологическая лакуна в 50 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Авторы выражают глубокую благодарность Н.Ф. Шевченко за любезно предоставленные неопубликованные материалы.

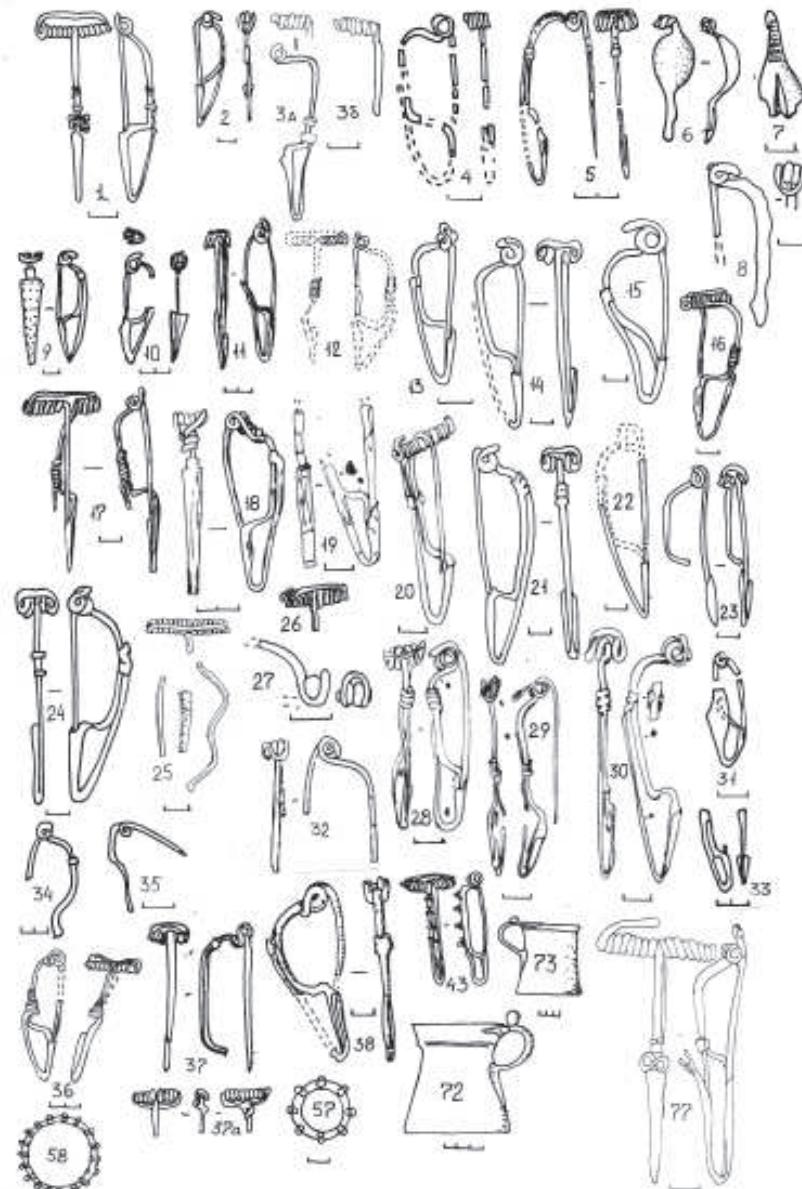

Табл. 1 к статье Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. «ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ»

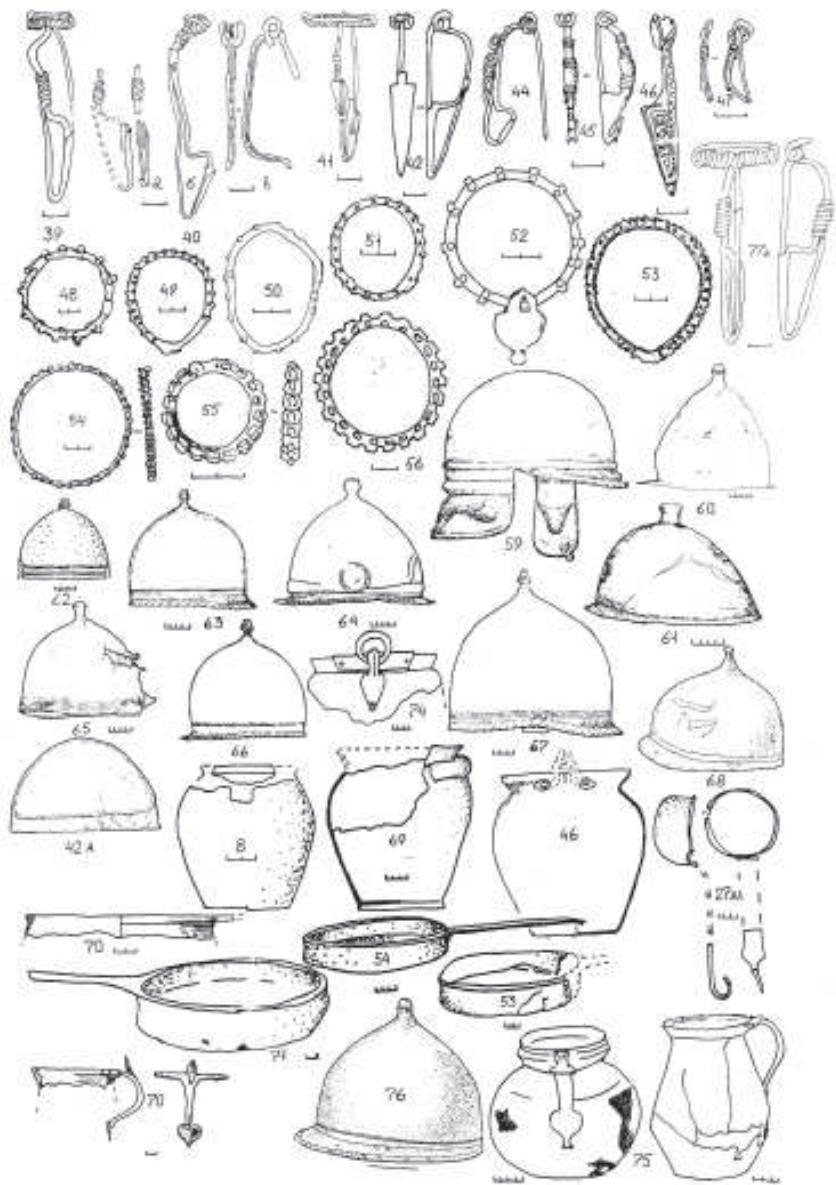

Табл. 2 к статье Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. «ЛАТЕНСКИЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ»

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. Вып.Д1-30, 1966
2. Берлизов Н.Е. Катаомбы сарматского времени на Северном Кавказе // II в. до н.э. - III в. н.э. // Дипломная работа. Л.: ЛГУ, 1986
3. Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Ч.II. Новочеркасск, 1993
4. Берлизов Н.Е. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Проблемы истории и культуры сарматов. ТДК. Волгоград, 1994
5. Вязьмина М.И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА. М., 1954
6. Гросу И.И. Хронология памятником сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинея, 1990
7. Дворянинов С.А., Дзиговский А.Н., Субботин А.В. Раскопки курганной группы у с. Вишневое // Новые материалы по археологии Северо-западного Причерноморья. Киев, 1985
8. Еременко В.Е. Процесс латенизации археологических общностей позднего предпримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры./ Дипломная работа. Л.:ЛГУ, 1986
9. Еременко В.Е., Берлизов Н.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках: проблема интерпретации // ТД 1 КАК. Краснодар, 1989
10. Засецкая И.П., Марченко И.И. Литые стеклянные канфары из Прикубанья /Классификация и хронология// ТД 1 КАК, Краснодар, 1989
- 10а. Зубар В.М., Савеля О.Я. Новый сарматский могильник другой половины I - початку II ст. н.е. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. 2
11. Игнатов В.Н. Катаомбы сарматского времени у ст. Хоперской // КСИА. 1986. Вып.186
12. Каспарова К.В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена //АСГЭ. 1984. Вып.25
13. Козенкова В.И. Комплексы сарматского времени из ст. Новотитаровской /Краснодарский край/ // Северный Кавказ в древности и в Средние века. И., 1980
14. Марченко И.И. Сираки Кубани /По материалам курганных погребений Нижней Кубани/. Краснодар, 1996
15. Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. 3
16. Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // Античный мир и археология. Саратов. 1993
17. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990
18. Сергацов И.В. Новые данные о хронологии раннесарматской культуры // СА. 1995. 1
19. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993
20. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов. 1990.
21. Шевченко Н.Ф. Отчет о раскопках курганов у станицы Пролетарской в 1984 г. // Архив КГИАМЗ, ф. III, 439, 439а
22. Eggers H.J. Der romische import im Freien Germanien. Hamburg, 1951.
23. Filip J. Keltove ve Stredni Europe. Praha, 1956.
24. Polenz H. Gedanken zu einen Fibel vom Mittelalterischem aus Kaiserri in Anatolien // Bonner Jahrbucher. 1978. B. 178.
25. Reineke P. Zur Kenntnis der La Tene-Denkmaler der Zone nordwärts der Alpen. Mainz, 1902.
26. Shchukin M.B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st Century B.C. - 1st Century A.D., BAR, International Series, 542 (io), 1989.
27. Wozniak Z. Osadnictvo celtskie w Polece. Wroclaw-Warsawa-Krakow, 1970.

Древности Кубани

28. Wolagiewicz R. *Naplyw importow rzymskich do Europy na połnoc od środkowego Dunaju.*
Archeologia Polski, t. XV, z. I, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970.
29. Zirra V. *Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latene in Rumänien.* Dacia, XV, 1971.

СПИСОК ПОДПИСЕЙ К ТАБЛИЦАМ 1 И 2

Таблица 1.

1.Хоперская к.11 п.8; 2.ПКОС-79 к.41 п.5; 3.Раздольная к.14 п.1; 4. Быково-77 к.2 п.3; 5.II
Привольное К.1 п.1; 6.Безены р.п.; 7.Ново-никольское к.3 п.7; 8.Арбузовский к.7 п.8; 9.III
Лычково к.1 п.1; 10. IV Прядовка к.1 п.3; 11.Бабино к.4; 12.Новолуганск к.1.п.1; 13.Садово к.2
п.1; 14. Брилевка к.16 п.1; 15. Каланчак к.10; 16.Петровское; 17. Ставки; 18.II Аккермень
к.11; 19.х. Донской к.2 п.7; 20.Старо-Гуянская; 21. Владимировка к.1 п.8; 22. Каиры к.1
п.23; 23.Черноморское к. 1 п.5; 24.Громовка к.1 п.19; 25.Попов к.59/18 п.11; 26.Малаи II;
27.Новый к.9 п.3; 27а. Новый к.20 п.2; 28.В Высочино к.24 п.5; 29. Рогожкино п.м.; 30.Х
Дугино, донна; 31.Эбды к.4 п.18; 32. Лебеди 1; 33.Рыбный к.3 п.12; 34.Ровное к.14 п.5;
35.Волжский к.8 п.6; 36.Арпачин к.40 п.10; 37. Холмское п.4; 37а.Турлаки п.9;
38.Калиновка к.27 п.3; 39. Валовый к.40 п.3; 40а-в.Танаис; 41. Раздольная к.9 п.9 /в 14,
таб.65 ошибочно - к.19 п.7/; 42.Курганинск к.1 п.68; 42а. Курганинск к.1 Святилище
43.Армавир к.4/1903; 44.Никольское; 45.Михайловская к.9 п.25; 46.Соколова Могила;
47.Верхнее Погромное к.1 п.14; 48.Динская к.1 п.9; 49.Брюховецкая-78 к.1 п.5;
50.Новотитаровская-70 к.10 р.п.; 51.Пролетарский-82 к.3 п.14; 52.Китаевка к.6 п.2;
53.ПКОС-86 к. «Овальный п.15; 54.Алитуб к.3 п. 20; 55.Вишневое к.18 п.3; 56.Мамай-Оба
тр.IV п.1; 57.Сасово к.3 п. 2; 58.II Аккермень Вост. гр. к.8; 59.Бойко-Понура к.1 п.3;
60.Серегинская р.п.; 61.Мичурина к.1 п.4; 62.Владимировская к.9 п.35; 63.Сергиевская р.п.;
64.Веселый р.п.; 65.Антиповка; 66.Новочеркасский музей; 67.Новопрохоровка;
68.Мариенталь Д2; 69.Северный к.1 п.9; 70.х. Элитный р.п.; 71.Новоджерелиевская р.п.;
72.х. Виноградный р.п.; 73.Зубовский к.1; 74.Киляковка к.1 п.4; 75.Калиновка к.55 п.8; 76.
Мелитополь; 77.Пролетарский-84 к.3 п.3; 77а. Там же. к.5 п.5.

Таблица 2.

1-3, 26, 32, 41-43, 45, 48-53, 59-63, 69-71, 73, 77, 77а - Кубань /52-Ставрополье/; 4, 7, 33-
35, 38, 47, 68, 74, 75 - Заволжье; 5, 21-24, 46, 55, 56, 58, -Украина; 6, 37, 37а, 44 - Молдавия;
19, 20, 25, 27-31, 36, 33, 40, 64, 64-67, 72 - Нижний Дон; 57.Верхний Дон.

Зеленский Ю.В.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ПРИКУБАНЬЯ И ЗАКУБАНЬЯ

На протяжении столетий кубанские степи были местом обитания многих кочевых племен и народов. Среди них был народ, который русские летописцы, а затем и историки стали называть половцами. Византийцы и вслед за ними европейцы именовали их куманами. Восточные орды этого этноса, кочевавшие

в заволжских и приуральских степях назывались кипчаками. Кипчаки – половцы прошли путь от небольшого племени «цинь – ча» мимоходом упомянутого в китайского хронике III – II вв. (18, с.3) до народа с которым вынуждены были считаться Русь и Византия.

Первые работы по истории половцев появились в 50 – х годах XIX вв. Они интересовались прежде всего взаимоотношениями половцев с Русью и Византией, а не историей самих кочевников. Лишь в 1883 году появилась книга П.В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», изданная в Киеве. Автор привлекал не только русские летописи, но и другие источники освещающие историю половцев до их появления в южнорусских степях. Что касается кубанских половцев то их судьба историков не интересовала так как они не контактировали с Русью. Поэтому о них ничего не писали. В большей степени интересовались предкавказскими половцами грузинские историки. Но они размещали их в основном в самой Грузии. Первые кубанские историки (Е.Д. Фелицын, Ф.А. Щербина, П.П. Короленко, И.Д. Попко) тоже почти не интересовались историей половцев. Ф.А. Щербина лишь вскользь упомянул, что половцы остали более значительный след в Предкавказье чем печенеги (23, с.310 – 311). Он же упомянул, что часть половцев осела на Тамани хотя до сих там почти не обнаружено половецких погребений.

Такое положение сохранялось долго. К.В. Кудряшов в одной из своих статей, объединенных общим названием Половецкая степь просто отметил, что половцы кочевали в Предкавказье (12, с. 120). З.В. Анчабадзе рассмотрел некоторые страницы истории северокавказских половцев опираясь на грузинские летописи (2). Лишь в конце 60 – х – начале 70 – х годов Г.А. Федоровым – Давыдовым и С.А. Плетневой на основе изучения письменных, археологических источников и картографирования каменных изваяний была выделена предкавказская группировка половцев (22,17). Наибольший вклад в изучение половцев Верхнего Прикубанья внесла Т.М. Минаева, привлекшая для подтверждения своих выводов археологические источники и свидетельства о находках каменных изваяний (13, с. 167 – 197). В.М. Батчаев, Г.С. Федоров и Я.А. Федоров интересовались прежде всего тем какой вклад внесли половцы в этногенез кавказских народов. В настоящее время существует две точки зрения. Одни исследователи, (в последнее время к ним присоединяется автор статьи), считают, что предкавказские половцы входили в состав донского объединения (11, с. 42). По мнению А.В. – Гадло в восточной части Предкавказье кочевало половецкое племя эльбули (ольбурлик) (4, с. 141).

В конце XIX – начале XX в. русские археологи начинают вести планомерные раскопки степных курганов. В Поросье Н.Е. Бранденбург раскопал около 100 курганов (3). В эти же годы исследовал кочевнические погребения на Среднем Донце и Дону В.А. Городцов (6, 7), а в Поднепровье Д.И. Эварницкий (24). Появляются работы в которых в которых археологи пытались отождествить открытые ими древности с конкретными кочевыми народами эпохи средневековья. Так А.А. Спицын разделил все погребения на торческие, печенежские и берендеевы (21). В.А. Городцов первый выделил особенности половецкого погребального обряда: камни в курганной насыпи, могилы с перекрытием над ними, восточная ориентировка погребенных. В это же время велись раскопки в Прикубанье и Закубанье. Н.И. Веселовский исследовал несколько половецких

погребений близ станиц Усть – Лабинская (сейчас г. Усть – Лабинск) (15, с. 70), Ладожская (14, с. 74) и хутора Праздничный (сейчас ст. Раздольная) (15, с. 75 – 76).

В 50 – 60 – ые годы к изучению позднекочевнических древностей приступи – ли Л.П. Зяблин, С.А. Плетнева и Г.А. Федоров – Давыдов. С.А. Плетнева разделила все известные погребения поздних кочевников на пять групп. Поло – вецкие захоронения были включены в четвертую хронологическую группу. Они характеризовались следующими признаками:

1. Наличие каменных обкладок, или просто камней, перемешанных с зем – лей, в курганной насыпи.
2. Сооружение для коня отдельной могильной ямы.
3. Наличие перекрытий над могилой человека.
4. Сложное устройство гробов, изготавливавшихся из отдельных поперечных дощечек.
5. Положение покойника: вытянутое на спине, с уложенными вдоль тела руками.
6. Ориентировка погребенного головой на восток или на запад (с годовыми отклонениями) (16, с. 173). Г.А. Федоров – Давыдов все кочевнические древности делит на четыре периода и половецкие относит к II (конец XI – XII вв.), III (XII – начало XIII вв.) и частично к IV (XIII – XIV вв.) (22). Этой типологии и периодизации придерживаются и современные исследователи (А.О. Добролюбский, В.А. Иванов, В.А. Кригер и др.) правда с некоторыми допол – нениями и изменениями.

Археологические исследования в степном Прикубанье и Закубанье возобно – вились в начале 70 – х годов. Раскопки приобрели массовый характер. Наиболее интенсивно, (в связи со строительством Понуро – Калининской оросительной си – стемы) исследовался Калининский район. Здесь постоянно работала Северо – кавказская экспедиция Института Археологии начальник экспедиции А.Н. Гей начальники отрядов О.А. Ульянова, В.И. Мельник, Л.Б. Орловская, И.А. Сорокина, Е.И. Савченко, Я.М. Паромов. Именно сотрудниками этой экспе – диции был раскопан средневековый курганный могильник (Коллекторский) из восьми насыпей где были половецкие погребения датирующиеся концом XI – началом XII вв. (5, с. 49). Кроме того в этом же районе работали экспедиции под руководством В.А. Сафонова, И.И. Марченко, А.И. Семенова. В не – скольких (Брюховецкий, Тимашевский, Динской) районах края работали сотруд – ники Ленинградского Отделения Института Археологии (В.С. Бочкарев, В.А. Трифонов, Г.Н. Бестужев). В ходе этих раскопок были также открыты поло – вецкие погребения. В Калининском, Кавказском, Тихорецком и Новопокров – ском районах работали археологи Волгоградского университета А.С. Скрипкин, И.В. Сергацков, А.Н. Дьяченко. были исследованы 8 погребений знатных по – ловецких воинов (материалы погребений обрабатываются сейчас для публика – ции). Кроме того археологами (Э.Н. Дубман, Ю.А. Шаталин, А.И. Семенов) исследовались отдельные погребения.

Большой вклад в изучение половецких древностей Прикубанья и Закубанья внесли сотрудники отдела археологии Краснодарского Государственного исто – рико – археологического музея – заповедника им. Е.Д. Фелицына Н.В. Анфимов, И.Н. Анфимов, А.З. Аптекарев, В.А. Тарабанов, Е.А. Хачатурова, Н.Ф.

Шевченко и археологи Кубанского государственного университета Н.Ю. Лим – берис и И.И. Марченко. Экспедицией под руководством Н.Ф. Шевченко были открыты 6 погребений в Кореновском, Новокубанском и Тимашевском районах (8, с. 23 – 24). датирующиеся XII – первой половиной XIII вв. И.Н. Анфимов исследовал 3 погребения в Калининском районе (1, с. 13 – 14). Одно из них было основным два впускными датируются они первой половиной XIII в. Оди – ночные захоронения был открыты Г.Н. Баковым и Н.В. Анфимовым у станицы Роговской Тимашевского района, Е.А. Хачатуровой у станицы Новотитаровской Динского района, А.З. Аптекаревым в Красноармейском районе, В.А. Тарабановым у хутора Буряковский Кореновского района. Большинство погре – бений не опубликовано или опубликовано в тезисной форме о некоторых были краткие сообщения в сборниках Археологические открытия. Было опубликова – но лишь несколько погребений. Половецкие погребения Ставрополья были опуб – ликованы Т.М. Минаевой (13, с. 167 – 170). В 1993 году Ю.В. Зеленским и И.В. Каминской были опубликованы вещи из разрушенного погребения у ст. Новоберезанской Кореновского района (9, с. 83 – 85). При написании статьи комплекс был датирован 30 – ми годами XIII в. Возможно эта датировка требует уточнения, так как с поясными наборами аналогичными новоберезанскому, (а именно он послужил основанием для датировки) были в некоторых погребениях найдены золотоордынские монеты XIV в. А.В. Пьянковым и Ю.В. Зеленским было опубликовано погребение близ Новокубанска (19, с. 45 – 47) датирующе – еся XIII в. А.В. Пьянковым и Е.А. Хачатуровой было подготовлено к печати женское половецкое погребение из ст. Новотитаровской (20, с. 154 – 156) они датировали его XII – первой половиной XIII вв. Наличие в погребении красно – глиняной корчаги и бронзового височного кольца свидетельствует о связях по – ловцев с закубанскими адыгами (20, с. 156). Погребение половецкого воина из Кореновского района было опубликовано Ю.В. Зеленским (10).

В настоящей статье не рассматривается история комплектования и изуче – ния половецких каменных изваяний из Краснодарского историко – археологичес – кого музея заповедника так как это тема отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Анфимов И.Н. Новые находки погребений кочевников XII - XIII вв. в Восточном Приазовье. / / Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996.
2. Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа, по данным грузинских летописей XI - XIV вв. / / Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
3. Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок 1888 - 1902 гг. СПб., 1908.
4. Гадло А.В., Этническая история Северного Кавказа X - XIII вв. СПб., 1994.
5. Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо - Кавказская экспедиция в 1979 - 1983 гг. // КСИА N 188.
6. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. // Тр. XII АС. Т.1. М., 1905.
7. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринослав – ской губ. 1903 г. // Тр. XI-II АС. Т.1. М., 1907.
8. Зеленский Ю.В. Половецкие погребения из Приазовья // Тезисы докладов и сообщений третьей зональной Северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный,

- 1991.
9. Зеленский Ю.В., Каминская И.В. Позднекочевническое погребение из Прикубанья // Музейный вестник Вып.1. Краснодар, 1993.
 10. Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение с шлемом из степного Прикубанья // Историко - археологический альманах Вып. 3. Армавир - М., 1997.
 11. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Кочевые империи Евразии. СПб., 1994.
 12. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.
 13. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. // МИСК. Вып.11. Ставрополь, 1964.
 14. ОАК за 1902 г.
 15. ОАК за 1903 г.
 16. Плетнева С.А. Печенеги, торки, и половцы в южнорусских степях // МИА N 62 1958.
 17. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. // САИ. 1974 Вып. Е4 - 2.
 18. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
 19. Пьянков А.В., Зеленский Ю.В. Позднекочевническое погребение из Восточного Закубанья // Прочноокопский историко-культурный многоугольник: материалы конференции. Армавир, 1994.
 20. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Погребение половчанки из степного Прикубанья // Историко - археологический альманах Вып. 1. Армавир - М., 1995.
 21. Спицын А.А. Курганы киевских торков и берендеев. // ЗРАО. новая серия. Т. XI Вып. 1 - 2. 1899.
 22. Федоров - Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
 23. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска т. 1. Краснодар, 1992.
 24. Эварницкий Д.И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ. // Тр. XIII АС. Т.1. М., 1907.

Зажигина Л.Ю.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ТУРЕЦКОГО ВРЕМЕНИ В СОБРАНИИ АНАПСКОГО МУЗЕЯ

В числе археологических коллекций, хранящихся в Анапском музее, выделяются материалы из слоев Анапы турецкого времени.

Большая часть из них относится к периоду конца XVIII – начала XIX века, когда, по данным письменных источников, на месте Анапы стояла османская крепость.

Среди хранящихся в музее находок имеются предметы найденные как при археологических раскопках, так и случайно обнаруженные сотрудниками музея при наблюдениях за земляными работами на территории города. Несколько керамических сосудов были подняты со дна моря в районе Анапы.

Из керамических изделий самую многочисленную группу составляют кутилельные трубки, которых насчитывается свыше 400 единиц. По морфологическим признакам выделяются более 30 групп трубок.

Наиболее часто встречаются трубки двух групп, местом производства которых, по мнению И.В. Волкова, являются Константинополь и города Малой

Азии – Гермечек и Гайгем. Большинство трубок богато орнаментированы, среди штампов наиболее часто встречаются изображения треугольных и ромбовидных пальметт. На некоторых трубках имеются клейма мастерских, в большинстве представляющие арабские надписи в полукруглых рамках или изображение птичек. Всего прослеживается около сорока видов клейм. Трубки в основном красноглиняные, иногда встречаются трубы, покрытые нестойкой красной краской и со следами позолоты.

Тарная керамика представлена красноглиняной корчагой, поднятой со дна моря в районе Малой бухты.

Среди столовой посуды наиболее многочисленной группой являются чайники, их насчитывается около десятка. Они встречаются двух видов: с чашеобразными и грибовидными венчиками. Чайником возможно служил шаровидный, покрытый зеленой поливой сосуд с горизонтальной ручкой. Сосуд не имеет горла, в верхней части под ручкой – круглое отверстие с остатками носика.

Прочая столовая посуда отличается многообразием: это миски, фляжки, пиалы, кувшины.

Несомненный интерес представляет красноглиняный одноручный кувшин, украшенный в верхней части туловища орнаментальным поясом с календарной символикой. Необходимо отметить и кувшин о уплощенношаровидным туловищем, высоким горлом, украшенным многоцветной поливой.

К числу интересных находок можно отнести и небольшой фрагмент расписного сосуда с изображением кораблей.

Среди керамических изделий выделяется поливная курильница с вырезами треугольной и сегментовидной формы по туловищу.

В фондах музея хранится интересная коллекция осветительных приборов турецкого времени. Это масляные светильники и подсвечники. Среди последних можно отметить как красноглиняные, так и белоглиняные подсвечники, последние, как правило, покрыты зеленой поливой.

Медная посуда представлена кувшинами, чашами, мисками. Особо следует отметить медную чашу, отличающуюся высокохудожественным гравированным растительным орнаментом. Интересны и небольшие медные крышки от узкогорлых сосудов, украшенные выпуклым орнаментом.

В Анапском музее хранятся 18 мраморных мусульманских надгробий и их фрагментов с остатками арабских надписей. Большинство из них – это Т-образные в сечении стелы со ступенчато выделенным верхом цилиндрической формы.

Можно выделить прямоугольное надгробие, верхняя часть которого выполнена в виде мусульманского головного убора – чалмы. В 30-е годы XIX века на нем была высечена надпись об основании одной из станиц Анапского района – Витязевской.

В фондах музея хранятся три мраморных чалмы, некогда служившие навершиями мусульманских надгробий памятников. Судя по форме этих головных уборов можно предположить, что они венчали надгробия, установленные над могилами высокопоставленных духовных и военных лиц Османской империи.

В нумизматической коллекции турецкого времени можно выделить клад, состоящий из 165 серебряных монет XVIII века, найденный в ст. Анапской, и

золотую монету султана Абдул – Гамида I 1187 г.х. /1773 – 1774 гг./.

В фондах музея имеется бронзовая гирия в форме четырнадцатигранника на одной из граней которой располагается три клейма: султанская тутра, цветок и арабская надпись.

К эпохе русско – турецких войн можно отнести находки свинцовых пуль раз – личной формы, ружейных кремней, бронзовой пулелейки, железного боевого топора.

Алиева С.И.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ С АДЫГАМИ, ЧЕРКЕСАМИ, КАБАРДИНЦАМИ.

В силу географических, социально – экономических и ряда политических причин ногайцы за период своего пребывания на Кубани находились в тесных взаимодействиях с соседними народами, в том числе с адыгами, черкесами и кабардинцами.

Еще с XVII в. прослеживаются примеры тесных дружественных и родственных контактов ногайцев с черкесами. Эвлии Челеби было известно, что ногайцы Чобан – мирзы (1600 – 1619) из Большой Орды побратались с «черкесским племенем по имени шегаке», они взяли «девиц у черкесов, не отдавая, впрочем, своих, и породнились. Установив юрты в стране шегаке – Черкесстане, они жили там и кочевали в горах и степях». И так «черкесы шегаке кое – где составляли один народ с ногайцами племени чобан». Аналогично ногайцы Норуз – мирзы из Касаевой половины Малой Орды «поселились на земле этих черкесов хатукай на берегу реки Кубани, взяв девиц у черкесов и породнившись с ними». Ногайцы Деви – мирзы из Ураковой половины Малой Орды так же нашли мир у черкесов, расположившись на берегу р. Кубани «среди гор, в окрестностях Адами и Болоткой». Ногайцы Навруза проживали в крепости Афипс – керман, расположенной поблизости от р. Афипс, впадающей в Кубань, бывшей на земле черкесов. Ногайцы совместно с черкесами размещались в кабаке Су – бай, состоящей из 500 домов (11, с. 52, 53, 64 – 65, 75).

Покуда ногайцы как и черкесы ориентировали свои политические взгляды на Турцию, между ними были союзные отношения. Так кабардинцы отказались выдать калмыкам Арсланбек – мирзу во время военного похода тех с Большими Ногаями в 1644 г. Большой интерес представляет описанный Эвлией Челеби военный маневр ногайцев и кабардинцев осуществленный в ходе столкновения с калмыками, который напоминает хитрый прием, широко использовавшийся еще монголо – татарами. Именно из – за дружественных связей кабардинцев с ногайцами кабардинцы и калмыки стали непримиримыми врагами. Так, в том же 1644 г., когда калмыки под предводительством тайши Урлюк вместе с некоторыми группами едисанцев, джембайлуровцев, едишкульцев (Большой Ногайской Орды) напали на Малых Ногаев и кабардинских мурз, союзники сломили наступательный дух противников (11, с. 87 – 88)

В 30 – е годы XVIII в. на сторону кабардинцев перешло до 2 тысяч ногай –

ских семей, восставших против крымского хана Кази — Гирея. Кабардинский посол Магомед Атажукин отмечал военные сборы ногайцев, прибывших с Ку-бани и проживавших в Большой Кабарде, с кабардинцами против крымцев и кубанцев. С астраханских земель ногайцы — султанаулыцы Мусы — Мурзы перешли в 40 — е годы XVIII в. под «присмотр» кабардинских владельцев — шуринов (он был женат на дочери главного кабардинского владельца). Всего 6 тысяч казанов ногайцев — султанаулыцев возвратилось на Кубань к Магомеду Коргонину. В 1752 кабардинские владельцы баксанской партии сообщали, что беглые кубанские султаны Сеадет — Гирей и Казы — Гирей привели с собой с Кубани к Кабарде ногайских мурз Мурзабека Мусаева и Мансура Келмаметева с их людьми.

Единая политическая позиция ставила кубанских ногайцев и черкесов в один ряд во время русско — турецкой борьбы. По одну сторону они оказались, в частности, в августе 1711 г., когда по поручению Петра I казанским и астраханским губернатором П.М. Апраксиным были разгромлены поселения кубанских ногайцев. «Страшное поражение татар», — как писал В.А. Потто — подняло на ноги все Закубанье». Коллективно ногайцы и черкесы совершали набеги на русские поселения и заставы. По известиям Панина от 13 января 1773 г., ногайцы в 70 — е гг. расселялись среди черкесов из — за нужды, в которой пребывали (голод, мор, и пр.). Из реляции командующего русскими войсками в Крыму В.М. Долгорукова от 12 ноября 1773 г. следовало, что Давлет — Гирей, возведенный Портою крымский хан, по заданию турецкого правительства рассчитывал создать для себя на Северо — западном Кавказе удельное ханство в составе ногайцев, адыгских и кабардинских народов. Ногайцы, жившие совместно с кабардинцами, принимали участие в съездах предводителей народа (например, в 1773 г. под началом Казы — Гирей — султана). Известно, что ногайцы, селившиеся рядом с адыгами переходили в XVII — XVIII вв. к оседлому образу жизни. По материалам П.Г. Буткова и Ф.А. Щербины, черкесы стабильно были союзниками трех орд: Бестинеевской, Новрузовской и Кайсанской. Примечателен факт назначения кабардинским приставом майора Дмитрия Васильевича Таганова — внука ногайского феодала Мусы — Мирзы (6, с. 297; 8, с. 60, 9, с. 365).

Кубанские ногайцы и черкесы служили той боевой силой, которой в случае необходимости могли воспользоваться их правители. Но в связи со сложностью политической обстановки, некоторые ногайцы отклонились от призыва к военным действиям, всячески пытались ускользнуть. В связи с этим, черкесы vividimmo были уполномочены «напоминать» ногайцам должную линию поведения» (1; 8, с. 63 — 65). В 70 — е годы XVIII — начале XIX в. отмечаются нападения черкесов на ногайские аулы на Кубани. Черкесская угроза заставляла ногайцев обращаться к крымскому хану Шагин — Гирею с ходатайством защиты от черкесов (10, с. 380 — 383). Так или иначе, кубанские ногайцы и черкесы постоянно имели тесные контакты. Вот как выражался по этому поводу В.А. Потто: «Были ли ногайцы в мире с черкесами, враждовали ли с ними, на русских поселениях одинаково тяжко отзывались как мир, так и война между ними». Но в противоборстве между ногайцами и черкесами была и вторая сторона. В пору бедствий черкесы не отказывали ногайцам в помощи (8, с. 103 — 106). К XIX в., по оценке Бларамберга, ногайцы и черкесы частью ассимилировали (3, с. 184).

В начале XIX в. отмечаются переходы крестьян от черкесских помещиков

во владения ногайских (2). В XIX в. ногайцы размещались в адыгском ауле Новый Бжегокай, черкесских селениях Гриненский, Ады (5, с. 7; 7, с. 147, 152). Между тем, с принятием ногайцами российского подданства в 1783 г. черкесы, главным образом, рассматривали их как своих врагов – союзников России. С этих пор недовольные ногайцы могли найти понимание у этих черкесов. Даже преследуемый правительством Шагин – Гирей укрывался именно у них. Здесь сказывается солидарность непокорных горцев и ногайцев.

Взаимоотношения между народами накладывали отпечаток на образ жизни и культуру ногайцев. И.Х. Калмыков выявил сходные черты в жилищах и дру – тих постройках ногайцев и черкесов, что было связано с переходом к оседлости ногайцев, расположившихся в XVIII – XIX вв. по долинам Кубани и Малого Зеленчука (4, с. 8).

По этнографическим материалам Н. Каменева в 60 – е гг. XIX в. у адыгов и черкесов муллы и кадии были из ногайцев или из Турции.

Главными факторами, определявшими характер взаимоотношений кубанских ногайцев с адыгами, черкесами и кабардинцами являются: пребывание на территории, входящей в сферу влияния Крымского ханства (до 1783 года), ориентированное на Османскую Турцию; нахождение под угрозой внешнего вторжения (калмыки); исповедание единой религии ислама; вращение в области интересов соперничавших держав Российской и Османской империй.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. ГАКК. Ф. 670. Оп. I. Д. 22. Л. 67об.
2. ГАКК. Ф. 799. ОП. I. Д. 11. Л. 23.
3. Иоганн Бларамберг. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
4. Калмыков И.Х. Общие черты в материальной и духовной культуре Карачаево-Черкесии / / Труды. вып. V. Ставрополь, 1966.
5. Люлье Л.Я. Черкесия. Киев, 1991.
6. Материалы для Новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год П.Г. Буткова. СПб., 1869.
7. Очерки истории Адыгеи. М., 1957.
8. Потто В.А. Кавказская война. Т. I. Ставрополь, 1994.
9. Щербина Ф.А., История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910.
10. Щербина Ф.А., История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913.
11. Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979.

Александров С.Г.

ПРИМЕНЕНИЕ СОКОЛЬСКОЙ ГИМНАСТИКИ В СОСТАВЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КУБАНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В последнее время значительно увеличился интерес к различным вопросам истории кубанского казачества. Физическое воспитание как неотъемлемая часть культуры общества зародилась в глубокой древности и осуществлялась в связи с особенностями жизненного уклада казачьего субэтноса, помогая решать воен –

ные и социальные задачи.

В кубанских учебных заведениях конца XIX – начала XX веков, среди средств физического воспитания подрастающего поколения казачества, значительное место стали занимать гимнастические упражнения.

В Древней Греции, в эпоху Возрождения и в 1 – й период Нового времени все физические упражнения назывались гимнастикой.

По определению, данному В.Далем, «гимнастика – это ловкости, ис –

кусство укреплять тело человеческое и делать его сильным, ловким и гибким, упражняя его в телодвижениях (беге, прыжках, скачке, лазании, плавании,

,34 »)ебро 3 5 0 – 3 5 .]1

Лишь к концу XIX века понятие «гимнастика» несколько сужается и становится определением одного из средств физического воспитания.

С.И.Ожегов характеризует гимнастику как «совокупность специально подо –

бранных физических упражнений для укрепления здоровья и гармонического

с ,8| амр яко 1 3 .]4

Советский энциклопедический словарь дает следующую трактовку понятия:

«Гимнастика – система специально подобранных физических упражнений и ме –

тодических приемов, применяемых для укрепления здоровья, гармоничного

О | амр . 3 0 .]5

Официальная система физического воспитания в досоветской России ос –

новное внимание в работе уделяла внедрению в учебно – воспитательный процесс сокольской гимнастики. В связи с этим необходимо познакомиться с истоками и основными направлениями развития сокольского гимнастического движения, оказавшего заметное влияние на содержание физического воспитания в Россий –

ской империи.

Вероятно I X

Большую роль

ны в воспитании подрастающих

Фон

сокольского движения были гимнастические организации. Стремясь сделать свою организацию привлекательной для молодежи, «соколы» во главе с М.Тыршем (1832 – 1844 гг.) разработали систему гимнастических упражнений, которые де –

лились на четыре группы: 1) упражнения без снарядов; 2) упражнения на снаря –

дах и с предметами; 3) упражнения групповые; 4) упражнения боевые.

Характерными чертами сокольских упражнений были вытянутые носки и

пальцы рук, прямолинейные и резкие движения. Особое внимание в комбина –

циях вольных упражнений на снарядах обращалось на красоту переходов от одно –

с Дудаково 1 .]8

Сокольская гимнастика успешно воспитывала у занимающихся не только

физические качества, но и высокие морально – волевые, патриотические и гума –

нистические чувства. Руководители движения возлагали на сокольскую гимна –

тику функцию объединения всех славянских народов на почве спортивного со –

трудничества и физического совершенствования.

Благодаря эффективности воздействия и эстетической привлекательности, сокольская гимнастика к концу XIX – началу XX веков получила широкое рас –

прогноза.Расположение Кубанской

6 3

Призыв кубанского педагога и общественного деятеля начала ХХ века П.За –

жады призывающий к борьбе с . 3 4

В 1910 году, в результате творческого взаимодействия представителей ста –

42

Древности Кубани

ничных школ и дирекции народных училищ Кубани, для работы с учащимися была подготовлена комплексная программа «Занятий строем, гимнастикой во –

~~сокольской системой~~ л . . 2 8

Сокольская гимнастика основывалась на одновременном выполнении групп – пой занимающихся «вольных движений» – упражнений, связанных с движениями рук, ног и туловища, упражнений с палками и булавами. Также имели место упражнения на снарядах: прыжки с наклонной доски; прыжки через коня; гимнастические элементы на параллельных брусьях (упоры, размахивания, «рукохождение» и «выжимы»); упражнения на перекладине (висы, упоры, размахивания, «выжимы»). Для занятий с учащимися по указанной программе выделялось 2 – 3 урока в неделю. Обучение детей гимнастике возлагалось на учителей станичных школ и училищ, отставных офицеров и урядников, специально подготовленных инструкторов.

Унифицированное преподавание сокольской системы гимнастики в учебниках по гимнастике

Грамотно организованный учебно – воспитательный процесс содействовал целенаправленному развитию у занимающихся необходимых двигательных умений и навыков.

В связи с этим, особого внимания заслуживает рассмотрение постановки и реализации приоритетных направлений работы в крупнейшем военном учебном заведении области – Кубанском Александровском реальном училище.

Начиная с 1912 года, в общем составе средств физического воспитания, прежде всего выделялась сокольская гимнастика, «... происходящая зимою – в хорошо вентилируемом большом помещении, а летом – на открытом воздухе, в училищном дворе, где установлены гимнастические снаряды, устроена горка и

~~другие спортивные сооружения~~ с . . 1 0 7

В занятиях активно использовались гимнастические снаряды: наклонные и вертикальные лестницы, брусья, гимнастические бревна, перекладина, конь, козел, канат, кольца и другие.

Вот как описывается одно из занятий по гимнастике: «Урок обыкновенно продолжается 45 минут. Ученики работают на снарядах, меняя их через каждые 10 минут, при этом проделывая следующие приемы:

- а) висы на одном из снарядов (турник, кольца, канат);
- б) упоры на одном из снарядов (брюсья, конь, козел, бревно);

~~прыжки на скакалке~~ с . . 1 0 9

Между тем, преподавание воспитанникам учебных заведений Кубанской области курса гимнастики, зачастую встречало ряд организационных трудностей. Прежде всего, это отсутствие специально оборудованных помещений и

~~класса для занятий гимнастикой~~ л . . 2 0 .8

В составленных Екатеринодарским уездным наблюдателем, священником К. Фоменко « Сведениях о церковно – приходских школах г. Екатеринодара» в начале XX века, указывается на слабое материально – техническое обеспечение школ спортивным инвентарем. В качестве выхода из создавшегося положения пред

~~лагается приобрести снаряды~~ с . . 2 0 5

В результате широкого распространения в России сокольской системы гимнастики, бурное развитие получило спортивно – гимнастическое движение.

К началу 1912 года на Кубани клубы гимнастического общества «Сокол»

существовали в городах: Екатеринодаре, Новороссийске, Геленджике, Анапе и Батуми. — Технико-математическое общество Сокола с целью: содействовать телесному и нравственному совершенствованию своих членов путем развития в них телесной выправки, мужества, дисциплины и сознания единства. Для достижения указанной цели, общество «Сокол» имеет право: «... среди прочего следить за развитием гимнастического дела; устраивать публичные упражнения, состязания, игры, концерты и тому подобные общественные развлечения». — Технико-математическое общество Сокола с целью: формирование физической культуры личности занимающихся на основе двигательного, интеллектуального и духовно — нравственного компонентов.

Таким образом, несмотря на определенные трудности, связанные с материально — технической оснащенностью учебных заведений, в Кубанской области был накоплен большой практический опыт работы по применению гимнастики в составе средств физической подготовки. Существовал штат преподавателей, основавших свою деятельность на использовании в занятиях сокольской гимнастики. Был разработан целый ряд методических материалов и учебных программ, регламентировавших процесс внедрения сокольской гимнастики в структуру физического воспитания учащихся.

Все это создавало благоприятные возможности для раскрытия широкого потенциала сокольской системы гимнастики как средства физического воспитания казачества Кубани.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 470, оп. 2, д. 1407, л. 3.
 2. Григорьев А.Е. Физическое воспитание в России (XIX-начало XX века): Исторический очерк. Спб.: Наука, 1994. 80 с.
 3. Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.
 4. Екатеринодарские городские начальные училища в 1902 году. Екатеринодар, 1903. 84 с.
 5. Зажаев П. Прошлое и настоящее кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907. 32 с.
 6. История физической культуры и спорта: Учебник для институтов физической культуры / Под ред. В.В.Столбова. М.: Физкультура и спорт, 1983. 359 с.
 7. Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1912-1913 учебные годы. Екатеринодар, 1914. 155 с.
 8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1991. 917 с.
 9. Рубан М.Л. История физической культуры и спорта на Кубани: Методические рекомендации. Краснодар: КГАФК, 1994. 42 с.
 10. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М.Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1599 с.
 11. Устав гимнастического общества «Сокол» в Екатеринодаре. Екатеринодар, 1912. 18 с.
 12. Харабуга Г.Д. Образование и развитие национальных систем физического воспитания в Новое время. Л.: ГЦОЛИФК, 1977. 20 с.
-

Д.В. Сень

НОВОЕ О РЕЭМИГРАЦИИ НЕКРАСОВСКИХ КАЗАКОВ ИЗ ТУРЦИИ В СССР В 20-Е ГГ. XX В.

Данная статья является продолжением работ автора (1) по расширению источниковской базы изучения прошлого казаков – некрасовцев. В предшествующей историографии этот вопрос рассматривался довольно невнимательно, мельком (2) и, как следствие этого – множество накопленных «белых пятен» и явных ошибок по теме исследования.

В основу работы легли архивные (неопубликованные) материалы, обнаруженные нами в фондах Госархива Ростовской области (ГАРО) и Госархива Краснодарского края (ГАКК). Свообразие их, на наш взгляд, заключается в следующем: 1) эти документы освещают неизвестные ранее события реэмиграции некрасовцев в Советскую Россию и одновременно позволяют исправить накопившиеся в исторической литературе недоразумения по этому вопросу; 2) в них имеет место необоснованное отождествление собственно казаков – некрасовцев (жителей сел. Эски – Казаклар) и старообрядцев – липован (выходцев с Дуная), жителей сел. Гамидие, живших неподалеку от некрасовцев – майносцев. Это и неудивительно – дунаки часто именовали себя некрасовцами (3), о чем с возмущением те неоднократно говорили (4). Да и до тонкостей ли было чиновникам, выполнившим распоряжения вышестоящих органов! Тем более, что многие историки не видят существенной разницы между этими частями российского старообрядчества, нивелируя особенности исторического развития тех и других. Мы же исходим из твердого убеждения (на основе широкого круга источников), что липоване и некрасовцы – суть отличные друг от друга этноконфессиональные группы русского народа (5).

Правовым основанием для возвращения некрасовцев в СССР послужило решение Президиума ЦИК СССР от 13 ноября 1923 г. Согласно ему, некрасовцам было разрешено переселение в количестве 300 семей, общей численностью примерно 1500 человек (6). В итоге одним из основных регионов водворения и землеустройства этих иммигрантов стало Подонье – Донской и Сальский округа. 11 января 1924 г. в Россию прибыла первая партия некрасовцев, «отправленная из Константинополя рабатриационной делегацией СССР и переданная в Ростове Уполномочем» (7). При этом газета «Советский юг», опубликовавшая заметку о данном эпизоде, отмечала крайнюю бедность переселенцев, вынужденных временно ютиться в «теплушке». Из официальных данных, составленных в Северо – Кавказском районном переселенческом управлении (СКРПУ) следует, что всего из этих трехсот семей, переселились и были водворены на выделенных для них участках в течение 1924 – 1925 г. 134 семьи (8).

Впоследствии, постановлением комиссии Совета Труда и Обороны по иммиграции был разрешен (во исполнение вышеуказанного постановления Президиума ЦИК) допуск в пределы СССР дополнительной группы некрасовских казаков в числе 177 семей, переселение и землеустройство которых было назначено на весну 1927 г.

Данный аспект переселенческой политики Советского государства, безусловно, не единичен и далек от трактовки его нами в качестве акта особой,

покровительственной политики властей именно в отношении старообрядцев – некрасовцев. Так, в 20 – е г.г. ХХ в. переселению и землеустройству подлежали осетины, ассирийцы, духоборы и молокане(выходцы из Карской области), что разрешалось также соответствующими постановлениями центральных органов – СНК РСФСР и т.д.(9). Одна из целей этой политики явно прослеживается в технической инструкции по проведению сплошного земельно – хозяйственного устройства, проводимым СКРПУ: «Организация земельной территории, на которой имеются свободные неиспользуемые излишки земель, с целью вовлечения этих излишков в сельскохозяйственный оборот»(10). В качестве же обработчиков земли предполагалось использовать будущих переселенцев, для которых создавался колонизационный (переселенческий) фонд. Данная особенность переселенческой политики Советского государства не раз отмечалось отечественными историками, причем в меньшей степени речь в данном вопросе может идти об интернациональной помощи угнетенным народам – капиталистических стран. Так, газета»Советский юг»писала 23 марта 1924 года:»В ближайшее время ожидается прибытие на Юго – Восток из – за границы казаков – некрасовцев из Турции, молокан и духоборов из Америки и Канады, армян из Турции и Фракии.»(11).

И действительно, время основания и заселения хуторов «некрасовского массива» – Ново – Покровского и Некрасовского (Мечетенский район Донского округа) 1924 – 25 г.г. и 1924 – 26 г.г.(12). И здесь вновь коснемся аспекта, затронутого в начале работы – численного соотношения между собственно некрасовскими казаками и липованами. Несомненно, именно для первых (предполагавших переехать в СССР в 1927 г. в количестве 170 семей) были заборонованы участки № 28, 29, 30 Присальской дачи Зимовниковского района Сальского округа (13). В записке заведующего колонизационно – переселенческой частью Ятчени в землестроительную часть СКРПУ (от 7.2.27 г.) указывалось, чтобы «эти участки были в одном массиве, свободны от аренды и легки для освоения»(14). По этому вопросу началась переписка, причем вначале предполагался как вариант участок в Черкасском районе (емкостью до 1000 едоков), а в добавление к нему – участки в Присальской даче. При этом заведующий землестроительной частью СКРПУ, отмечая их пригодность для немедленного освоения, добавлял: «Принимая же во внимание, что Некрасовцы на месте их прежнего жительства вели смешанное земледельческо – скотоводческое хозяйство, надо полагать, будут удовлетворены частью описанных участков»(15). 19 мая 1927 г. в СКРПУ поступило заявление уполномоченных от 170 семей некрасовских казаков Н.Никулушкина и Г.Пронюшкина (представителей «классических» некрасовских фамилий – Д.С.), которые, в свою очередь, уполномочили жителя х. Ново – Некрасовского Н.И.Ивануткина на ведение переговоров с СКРПУ. Казаки просили причислить его к их группе, т. к. та намерена переселиться в Сальский округ и их сородичу «необходимо будет иметь непосредственную связь с переселенцами»(16). Бронирование участков было произведено после осмотра их Н.Никулушкиным и Г. Пронюшкиным в мае 1927 г., т.е. участков колфонда Зимовниковского района Сальского округа. Примечательно, что некрасовцы упоминали о невозможности для своих доверителей переселиться «в текущем году», т.к. «имеют посевы в Турции и намерены прибыть в СССР в

средине февраля будущего 1927 г.»(17). Не являются ли цитированные выше отрывки документов (о образе жизни и способах ведения хозяйства) одним из доказательств того, что первым Турцию покидают в 1912 – 1913 г.г. именно «ры – баки», т.е. некрасовцы не обладавшие сколь – либо значительным имуществом. Случай же с Н.И.Ивануткиным свидетельствует о близости земляческих отношений жителей деревни Майноз и некрасовцев из хут. Ново – Некрасовского Кубанской области. Интересен документ, оригинал которого, несомненно, был составлен в Турции: «Полномочия. Мы, некрасовцы деревни Майноз (Пан – дырма) в количестве 507 душ, желающие переселиться в СССР, уполномачива – ем крестьян – ходоков Григория Игнатьева Пронушкина и Никифора Кирилловича Николушкина поехать от нашего имени в СССР для осмотра отведенной для нашего переселения земли»(18). И действительно, насколько известно из документов (19), предполагаемого переселения в 1927г. не произошло – в силу причин не необходимости убрать урожай.

Теперь коснемся вопроса о количестве переселившихся в Советскую Россию некрасовских казаков. В так называемом «некрасовском массиве» Мечетинского района (хутора Некрасовский и Ново – Покровский) согласно списка поселков Донокруга, переданных в систему местных органов (составлен в ДОЗУ, исх. № 7657 от 23.08.29г.) насчитывалось 182 хозяйства (731 едок) (20). Эту цифру подтверждают и другие данные статистического характера (21). Из сводки о количестве переселенческих групп устраиваемых в Северо – Кавказском крае во внеплановом порядке по заданиям ВЦИК и Наркомата земледелия, за время с 1924г. по 1925 – 26 хозяйственный год, следует, что в Донокруге некрасовцев насчитывалось 158 хозяйств, или 648 человек (22). Эти данные почти совпадают со свидетельствами сводки из СКРПУ. Согласно им, некрасовцы переселялись в Донокруг следующим образом: в 1924 г. – 34 семьи, в 1925 г. – 123 семьи, в 1926 г. – 22 семьи и в 1927 г. – 2 семьи, т.е. 181 семья. (23). Следовательно, в 1924 – конце 1925г., туда переселилось 157 семей. Еще в одном документе (составлен 1.11.25 г.) некрасовцев числится 641 человек (т. е. верящий факт наличия в 1924 – 1925 г.г. 157 – 158 некрасовских семей) (24). И если далее следовать сведениям из той же сводки СКРПУ, то в 1926 – 1927 г.г. переселяются еще 24 семьи. Итоговая цифра, следовательно, определяется в 181 семью (домохозяйство). Отметим, что в это число включены и те «некрасовцы» (об оговорке, выраженной кавычками, высажемся ниже – Д.С.), которые были переселены в Донокруг с Черноморского побережья. Эта особенность зафиксирована в ряде источников неоднократно. Так, заведующий СКРПУ Ковалев отмечал в своем письме, адресованном в Управмелизом (18.6.27 г.), что переселенцы, оказавшиеся в Мечетинском округе были теми некрасовцами, которые прибыли из Турции и были переброшены «из Черноморского округа в 1925 г.» (25).

И здесь необходимо коснуться особенностей анализа источников, используемых в исследовании темы. Безусловно, в теоретическом аспекте следует отталкиваться от определения понятия «некрасовцы», причем автором уже предпринята попытка выявить и обосновать основные составляющие этого общепринятого термина (26). Один из пунктов предложенного нами определения звучит так: «Некрасовцы – не дунаки – липоване», т.е. обозначен через отрижение. Не останавливаясь подробно на системе доказательств (этому вопросу, помимо упоминавшихся выше наших работ, будет посвящена отдельная статья), отметим

следующее: имеющийся в наличии комплекс источников (27) не позволяет говорить об однотипности понятий и, следовательно, едином историческом пространстве и развитии тех и других. Помимо систем жизнеобеспечения, различия фиксируются, что более существенно, на уровне самоидентификации, самосознания. Исходя из этого, можно считать доказанным нашим фактом присутствия среди переселяющихся в СССР из Турции старообрядцев – липован. Поэтому не правы, на наш взгляд, Н.Г.Волкова и Л.Б.Заседателева, которые, располагая лишь одним документом (ГАРО. Ф. Р – 2607. Оп. 1 Д. 25.), говорили о сотнях только некрасовских казаков, переселившихся (и предполагавших это сделать) в Советский Союз (28). Вместе с тем отметим, что их статья имеет ряд более существенных достоинств и серьезно проработанных отдельных аспектов темы. Таким образом, отсутствующая ранее научная постановка вопроса в соединении с категоричностью и кажущейся однозначностью трактовки документов привели к утверждению существенного исторического недоразумения.

Поэтому решающую роль, как представляется, сыграли новые архивные материалы. Так, Е.И. Кантанов, уполномоченный 10 домохозяйств, намеревающихся переселиться в Донокруг на участок № 3 «некрасовского массива» Мечетинского района, писал (30.4.24 г.) в Переселенческий отдел при Крайзимуществовании, что его поручители происходят «из Турции, гор. Бандрама (искаж. Пандырма – Д.С.), селения Хамидия...»(29). Следовательно, эти старообрядцы, что весьма вероятно, находились в родственных отношениях с жителями хутора Ново – Покровского Донского округа. Отправка этих семей вагонами с Кубани намечалась на май 1927 г., чего в итоге не произошло (30), причем отказ последовал со стороны самих старообрядцев. 15 мая 1927 г. общее их собрание постановило: «Нежелаем переселяца... за то, что мы получили письмо от хутора 2 Некрасовского; как там проживши 3 года, а вражда не получали и пишут нам, что здесь ничерта и вы не пригайтесь, а то авваритись. За это мы остаемся этой год, посмотреть в урожай в донском округе, а сичас остаемся здесь»(31). Переезд, очевидно, так и не состоялся, поскольку среди жителей хуторов Ново – Покровского и Потемкинского (последний, заметим, весьма быстро и неожиданно появляется в жизни Приморско – Ахтарского района уже в 1928 г. (32)), присутствуют фамилии тех самых псевдонекрасовцев (33). Причем, что примечательно, такое же совпадение фамилий наблюдаем среди жителей хутора Морозова (не путать с хут. Морозова (Обрыв) того же Приморско – Ахтарского района, который был основан гораздо раньше – Д.С.), который фигурирует в заявлении граждан этого населенного пункта в ноябре 1927 г. (34). Поэтому наше предположение заключается в следующем: первоначально хутор Потемкинский носил название хутора Морозова, или Морозовского (по имени одного из лидеров группы старообрядцев), а затем, неясно по чьему решению, стал Потемкинским. Выше упоминавшиеся 13 семей входили в более многочисленную группу (35 семей, 116 едоков), переправленных из Турции в Черноморье, а оттуда – на Кубань (35), где, как отмечал тот же Е.И. Кантанов 16 апреля 1927 г., «терпят большую нужду и до сих пор не землеустроились». 1 июня 1926 г. они прибыли на Кубань, в делопроизводственной документации фигурируя как «группа Стрелкова и Пастухова», стремившаяся «к своим родственникам, переселившимся в пос. Ново – Покровском, Приморско – Ахтарского района...»(36). А ведь известно, что этот хутор был основан старообрядцами

Дуная, а хутор Потемкинский, как было доказано выше, жителями сел. Гамидие (Ени – Казаклар), которых, как справедливо говорил В.Ф.Минорский, «лишь по недоразумению называют казаками»(37). И поскольку временно осевшие на Кубани хамидийцы намеревались переселиться на Дон, имея при этом прочные связи с тамошними хуторами Ново – Покровским и Некрасовским, то можно с уверенностью говорить, что все эти группы, включая основанные ими на Кубани и Дону населенные пункты не имеют к некрасовцам – майносцам никакого отношения. Тем не менее, следуя принципу историзма, мы не будем отрицать возможности нахождения реальных фактов о поселении казаков – некрасовцев на Дону в 20 – е г.г. ХХ в. Так, неясной остается судьба определенного количества этих переселенцев, проходящая по документации СКРПУ также в 20 – е г.г. Правомочность как данного вывода, так и особенностей цитированных выше документов лишний раз подтверждают слова заведующего СКРПУ Ковалева (исх. № 1358 от 18. 6. 27 г.) о том, что партия из все тех же 13 семей «проживает у своих родственников в пос. Ново – Покровском, занимается рыболовством»(38). Необходимо отметить, что власти, неоднократно и необоснованно именуя старообрядцев – липован некрасовцами (39), отнеслись с большим вниманием к проблеме переброски их на Дон и водворения на вполне определенных землях колфонда (40). Еще раньше, в 1926 г., вплотную рассматривался вопрос о «вливании» этой группы в состав жителей хут. Ново – Покровского Приморско – Ахтарского района и наделения землями ГЗИ, предназначенных для коневодческого товарищества «Черномор»(41). При этом, несмотря на постановления Окружного земельного совещания и Краевого земельного совещания, местные органы власти, в лице, например, Приморско – Ахтарского РИКА, выражали несогласие с данным вариантом решения вопроса. С другой стороны, это отношение совпало в какой – то степени с мнением самих старообрядцев, недовольных нормой наделения землей. И нужно отдать должное долготерпению этих людей – они пишут 16 марта 1927 г. письмо во ВЦИК (вх. № 13601 Секретариата ВЦИК от 1.04. 27.) (42), прося, в частности, о нарезке на едока по 0,25 десятины и выдачи пособия на постройку изб. При этом, однако, они всячески нападали на неправильные, по их мнению, способы использования товариществом земель, а указанная норма надела, заметим, им декларировалась еще в 1926 г. Тогда, кстати, старообрядцы настаивали на выделении дополнительного более 150 десятин, отведенных «Черномору». В итоге, 18 августа 1927 г. из ВЦИКа на Кубань был направлен ответ: «... Ходатайство Ваше об отводе земли из госфонда бывшей Войсковой около хут. Покровского – отклонено»(43). В упоминавшемся письме дунаки рассказывали о своей судьбе, неплохо отзываясь об уполномоченном представителе России в г. Стамбуле – Потемкине, сыгравшем весьма позитивную роль в иммиграции из Турции части жителей сел. Гамидие. Именно его именем был впоследствии назван старообрядческий поселок в Приморско – Ахтарском районе Северо – Кавказского края, слившийся, что весьма показательно, в 50 – х г.г. с хут. Ново – Покровским.

Рассмотренные выше аспекты исторического прошлого старообрядцев – липован позволяют, на наш взгляд, уверенно говорить об интересном для науки своеобразии их этнокультурного развития и необходимости исследователям более внимательно и углубленно отнести к изучению этой части русского народа. Прямым тому доказательством являются труды известного румынского фи –

логога М.Маринеску (44).

Конечно же, и некрасовские казаки несколькими партиями покидают пределы Турции и переселяются в СССР в 20 – е г.г. ХХ в. Помимо случая со 170 семьями майносцев (переселение которых, как уже говорилось, было на – значено на 1927 г.) данный тезис вполне применим и к другим фактам. Так, в феврале 1929 г. А.А.Сиротин, казак – некрасовец из хут. Ново – Некрасовского Приморско – Ахтарского района написал заявление в избирком Приморско – Ахтарского с/совета, с просьбой разобрать дело о лишении его избирательных прав. Кратко описывая свою биографию, А.А.Сиротин сообщает чрезвычайно интересные сведения: находясь в числе некрасовцев, прибывших на Кубань в ст. Прочноокопскую Лабинского отдела в 1918 г., он, по причине начавшейся мобилизации, снова бежал в Турцию. Там, в родном селении «Иский – Казак – лар» жил у родных с 1920 по 1924 г.г. (45). А в 1924 г. вместе с другими некрасовскими казаками, взяв визу «с посольства», выехал в ст. Приморско – Ахтарскую на хут. Ново – Некрасовский (46). Поиск материалов делопроизводственной документации (в фондах соответствующих учреждений – Краевого земельного совещания, Приморско – Ахтарского РИКа и т. д.), очевидно, должен привести к дополнительному подтверждению этого свидетельства. Пока же это событие реконструируется косвенным путем, с привлечением данных статистического характера, также впервые вводимых здесь в научный оборот. Во – первых, некрасовцы с фамилией Сиротины проживали в хут. Ново – Некрасовском уже в 1925 г. – Алексей Андреевич Сиротин, Анна Гавриловна Сиротина. Это следует из записи местного Административного отделения старосте хут. Ново – Некрасовского, датируемой 17 сентября 1925 г. (47). Во – вторых, налицо заметное изменение численности народонаселения этого хутора (как единственного чисто некрасовского населенного пункта на Кубани – Д.С.) в ряд лет второго десятилетия ХХ в. Примерно к 1922 г. относятся сведения о количестве жителей ст. Приморско – Ахтарской (с округой) Тимашевского отдела. В хут. Ново – Некрасовском числилось тогда 45 дворов или 339 человек (163 д.м.п. и 176 д. ж. п.) (48). В записке заместителя Приморско – Ахтарского РИКа Стеценко в Оргчасть Окружного исполнкома (получена 13.08.24 г.) говорится, что в х. Ново – Некрасовском «считано» 320 человек (49). Согласно же «Списка населенных мест Северо – Кавказского края» (Ростов – на – Дону. 1925 г.) некрасовцев уже значится 367 человек (43 двора, 183 д.м.п. и 184 д.ж.п.) (50). В 1927 г. был опубликован список населенных мест Кубанского округа по материалам Всесоюзной переписи 1926 г. Правда, эти материалы являлись пересчитанными в границах районов, установленным в мае 1927 г., а также были выявлены по дополнительным данным статистического отдела и других ведомств. Хутор Ново – Некрасовский насчитывал на этот раз 373 жителя (181 д.м.п. и 192 д.ж.п.) (51). То есть налицо разрыв в цифрах 1922 – сер. 1924 г.г., с одной стороны, и сведениях подобного же характера 1925 (но составленных, возможно, в конце 1924 г.) – 1927 г.г., с другой стороны. Таким образом, наличие «лишних»⁴⁷ человек можно объяснить не только проявлением демографического взрыва, либо ошибкой в исчислении, но и возвращением в Россию, «к своему языку», еще одной партии некрасовских казаков в 1924г. Конечно, в предлагаемой статье не все аспекты переселения (и дальнейшего обустройства) казаков – некрасовцев из пределов Турции в СССР оказались достаточно полно освещенными. Остается

масса загадок и просто»белых пятен». Непонятен, к примеру, следующий эпизод: 28 июня 1929 г. Азовский РайЗО сообщил в Донское земельное управление (г.Таганрог), что «устроить группу переселенцев «Некрасовцев» на участке ГЗИ Азовского района не представляется возможным до проведения гнездового зем – леустройства...»(52). Кто были эти переселенцы и являлись ли они на самом деле некрасовцами? Вопрос остается пока без ответа... Более детального рас – смотрения требует также анализ причин второй волны реэмиграции некрасовс – ких казаков в Россию именно в 20 – е г.г. ХХ в. Весьма спорным предстает утверждение И.В.Смирнова о том, что некрасовцы усиленно хвалили Советс – кую власть, призывая своих родственников переселяться в СССР (53). Об об – ратном, помимо приводимых выше документов, свидетельствуют и другие фак – ты. Так, участник десанта Улагая – Е.Якименко, 4 августа 1920 г. оказался вместе с сослуживцами у некрасовского хутора под станицей Приморско – Ах – тарской. На вопрос о притеснениях, старик – атаман ответил:»Приняли тут нас по – братски. Дали землю.... Потом антихристы пришли и стали утеснять нас, как и дедов. Не пришло еще, значит, время. Своим отписали, чтобы не ехали сюда, т. к. еще не вольная земля казацкая, хотя есть тут и казаки. Нету только таких, как Некрасов, а раз таких нет, то и Воли казакам нет»(54). Более того, документы ГАККа более позднего времени (Ф. Р – 577, Р – 581 и др.) говорят о том, что жизнь некрасовцев на Кубани была далекой от безбедного существова – ния, впрочем, как и массы остального сельского населения региона. Об этом, в частности, писал в 1926 г. председатель Приморско – Ахтарского РИКа Сте – ценко в Окружной исполнком (55), добавляя о незаконности обложения жителей х.х. Ново – Некрасовского и Ново – Покровского принудительным образом ок – ладным страхованием скота и лошадей, как обладающих статусом пересел – цев.

Поэтому необходимо, на наш взгляд, вести дальнейшую исследовательс – кую работу по изучению исторического прошлого некрасовских казаков в двух направлениях: расширении источниковой базы тематических изысканий и науч – но – теоретическом осмыслении накопленного фактологического материала. То есть не ограничиваться сугубо компиляцией пусть даже самых достоверных архи – вных материалов, но искать подходы к иному уровню познания: установлению причинно – следственных связей, обоснованной периодизации исторического прошлого некрасовцев и т. д. Все основания для этого, как представляется, имеются.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Сень Д.В. Казаки-некрасовцы после возвращения на Кубань: 1918-1920гг. // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1996. – З. С.3-5; он же. Советская власть и казаки - некрасовцы: реалии взаимоотношений в 20- е - начале 30 - х г.г. // Вопросы северо - кавказской истории. Армавир. 1997. Вып. 2. С. 81 - 90.
2. Тумилевич Ф.В. Казаки - некрасовцы // Дон. 1958. 8.С. 146; Смирнов И.В. Некрасовцы / / Вопросы истории. 1986. 8. С. 107.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р- 1390. Оп. 6. Д. 324.Л. 8.
4. Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков - некрасовцев. Ростов на/Д.. 1961; Краснодар – ский государственный историко - археологический музей - заповедник (КГИАМЗ). Научный

- архив 58.Дневник А.М.Коломийца.
5. Сень Д.В. К проблеме определения понятия некрасовцы и границах его применения // Кубань в истории России. Ч. 1. Археология и краеведение Кубани. Тезисы докладов 5 - ой краевой аспирантско - студенческой конференции. Краснодар. 1997.С. 52 - 53.
6. ГАРО. Ф. Р - 2607. Оп. 1. Д. 25. Л. 30.
7. Прибытие Некрасовцев // Советский юг. 1924. .17. С. 5.
8. ГАРО. Ф. Р - 2607. Оп. 1. Д. 25. Л. 30.
9. Там же. Л.л. 9, 11, 35, 36.
10. ГАРО. Ф. Р - 2607. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.
11. Советский юг. 1924. .68.С.5.
12. ГАРО. Ф. Р - 2563. Оп. 1. Д. 191. Л. 363 об.
13. Там же. Ф. Р - 2607. Оп. 1. Д. 25. Л. 31 об.
14. Там же. Д. 15. Л. 13.
15. Там же. Л. 19.
16. Там же. Д. 24. Л. 6.
17. Там же. Л. 11.
18. Там же. Л. 10.
19. Там же. Д. 25. Л. 31 об., 32.
20. Там же. Ф. Р - 2563. Оп. 1. Д. 191. Л. 363.об.
21. Там же. Л. 377 об., 292 об.
22. Там же. Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д. 108. Л. 70 об.
23. Там же. Ф. Р - 2607. Оп. 1. Д. 25. Л. 31 об.
24. Там же. Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д. 108. Л. 73.
25. Там же. Д 324. Л. 27.
26. Сень Д. В. Определение понятия некрасовцы и границы его применения (постановка проблемы) // Деп. в ИИОН РАН 17.04. 97. за 52 533.
27. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р - 581. Оп. 1. Д. 18. Л. 65 - 65 об.; Минорский В.Ф. У русских подданных султана // Этнографическое обозрение. 1902. 2. С. 15 - 43; Смирнов К.Н. У русских в Малой Азии // Новое время. 1901. 9106, 9107; Щепотьев В. Русская деревня в Азиатской Турции // Вестник Европы. 1895. Кн. 8. С. 579 - 580; Короленко В.Г. Над лиманом // Русское богатство. 1897. 11; Субботин Н. История Белокриницкого священства по смерти инока Павла // Русский вестник. 1900. Т. 68, 69.
28. Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б. Казаки - некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Сер. История. 1986. 4. С.52.
29. ГАРО. Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д. 324. Л. 2.
30. Там же. Л. 3.; ГАКК. Ф. Р - 577. Оп.1.Д.406. Л.л. 147, 179.
31. ГАКК. Там же. Д. 406. Л. 181.
32. Там же. Ф. Р - 577. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.
33. Там же. Л.л. 119 об., 174; Д. 406. Л.л. 147, 421; ГАРО.Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д.324.Л.л. 5, 6.
34. ГАКК.Ф. Р - 577. Оп. 1. Д. 406. Л. 421.
35. Там же. Л.л. 148, 151, 153; ГАРО. Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д. 324. Л.л. 7, 12 а.
36. Там же. Ф. Р - 2607. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
37. Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 36.
38. ГАРО. Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д. 324. Л 32 об.
39. ГАКК. Ф. Р - 577. Оп. 1. Д. 406. Л. 188; ГАРО.Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д. 324. Л.1.
40. ГАКК. Ф. Р - 577. Оп. 1. Д. 406. Л.л. 146 - 148, 179.
41. Там же. Д. 45. Л. 104.
42. ГАРО. Ф. Р - 1390. Оп. 6. Д. 324. Л.л. 33 - 36 об.
43. Там же. Л.л. 38 - 38 об.
44. Маринеску М. Зеленая моя вишняки. Бухарест. 1984.

Древности Кубани

45. ГАКК. Ф. Р - 577. Оп. 1. Д. 73. Л. 210 а.
 46. Там же. Л. 210.
 47. Там же. Ф. Р - 577. Оп. 1. Д. 287. Л. 460.
 48. Там же. Ф. Р - 581. Оп. 1. Д. 72. Л. 10.
 49. Там же. Д. 401. Лл. 22, 25.
 50. Список населенных мест Северо - Кавказского края. Ростов на / Д., 1925. С. 139.
 51. Список населенных мест Кубанского округа по материалам Всесоюзной переписи 1926 г., пересчитанным в границах районов, установленных в мае 1927 г., и по дополнительным данным статистического отдела и других ведомств. Краснодар. 1927. С. 36.
 52. ГАРО. Ф. Р - 2563. Оп. 1. Д. 191. Л. 306.
 53. Смирнов И.В. Указ. соч. С. 107.
 54. Якименко Е. Встреча с казаками - некрасовцами // Вольное казачество. 1937. 230. С. 16.
 55. ГАКК. Ф. Р - 577. Оп. 1. Д. 33. Л. 169.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия.
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВДИ - Вестник древней истории.
ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.
ГАРО - Государственный архив Ростовской области.
ЗРАО - Записки Русского археологического общества.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
КГПИ - Краснодарский государственный педагогический институт
ИАК - Известия императорской археологической комиссии.
МАР - Материалы по археологии России.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
МАК - Материалы по археологии Кавказа.
МИСК - Материалы по истории Ставропольского края.
ОАК - Отчеты Археологической комиссии.
ПАИ - Полевые археологические исследования в Грузии.
РА - Российская археология.
СА - Советская археология.
САИ - Свод археологических источников.
СЭ - Советская этнография.
Тр.АС - Труды археологического съезда.
Тр.ГИМ - Труды Государственного исторического музея.

Подано в набор 06.04.98. Подписано в печать 10.04.98.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. п.л. 4,7.
Заказ №204. Тираж 100 экз.

Â í è ìà íèþ àâòî ð ïâ!

Èçääíèå «Âðäâíîñòðè Èóáàíè» ióáëëêòåðå íà ñâîòð ñòðàáñòðå ðàáîòû íàó÷íí-
èññöåâíâðåðüñëíâî õàðàéðåðà ëí âíïðîñàì àððåñëíâðè, èñðîñðèè è ýðíñâðåðèè
Èóáàíè.

Íàïðàâëåííûå á èçääíèå ìàðåðèàëü áíëæíû áûòü íôîðìëåíû á
ññòðåðòñòðèè ñí ñëåäóþùèìè íðàâèëàìè:

1. Ðàáîòà íäðåðòñý á íäðåñí Íéçâííëýðå (íðìå÷àðåíííí íà ìàøèíéå èëè
íðèíðåðå) (éâ÷âñòðâí íðì÷àðè «ðíðîþâå») èëè á ýéâéðòðíííí áðäå á íà
íðåðüñííé äèñéâðå ã (éþáí ðàñíðñòðåñíííí ðåäâæðòðå).
2. Íáúâì ðàáîòû íå áíëæáí íðåðûòðò 1/2 àâðîññëíâî èëñòà (12
íàøèííñíûð ñòðàíéö).
3. Íâ÷àðò ñâåñòð áíëæáí áûòü íàíä÷àðåí íà áâéñí èëñòå áóìàæ ñîðìàðà
À4, íàíä÷àðåí ÷âðòðè, éííðåðñòðíû ñðèòðò, ðàçâðû íîëåé èþáûå.
4. Á íáúâì ðóðííèñé áéëþ÷àâðñý: íñíñâííé ñâåñòð, íðèíâ÷àíèý, ñíèñíè
éèðåðàðòðû, ñíèñíè íäðèñòðííñû ñíäíèñâé, ðàáæðòû áñâð òðííâ,
èéëþñòðàðè.
5. Èéëþñòðàðè è íðèíèíàþòñý ñòðëüéí áûññííñâ ðóðüþ èëè
éâ÷âñòðåðííñâ ñíèñè. Èéëþñòðàðè ÷âðíí-áâéñâ. Èñòð èéëþñòðàðè
áíëæáí áûòü íäðèñòðííñâ ñ íáðàðííñâ ñòðíññû èâðàíâðòñí (ââðîð, íàçâíèå
ðèñòðíèà èëè íñâð, íàçâíèå ñâåæðòû). Íðè íâýññíé íðèâíðàðè
èéëþñòðàðè, àâðîð, áíëæáí ñ íáðàðííñâ ñòðíññû íäðèñâðû - «ââðð».
6. Á ñâåñòð ññëå çàäíèíâéå çíâéè íðâíèíâíèý íà ñòðàâýðñý.
7. Íðèíâ÷àíèý ñòðå÷àþòñý á ñâåñòð ñâåçäí÷âàìè è áûññíñðñý á ëííâö
ñòðàðò ññëå çàäíèíâéå «Íðèíâ÷àíèý».
8. Ñíèñíè èéðåðàðòðû íäðåðòñý íà íðåðüñíû ñèñòðà ã àéðåâæðòñí ñíðÿäéå
íñâ íóïåðàðèé ìò 1 ... Á ñâåñòð ññûéè íà èéðåðàðòðò íôîðíëýþòñý
ñëåäâðþùèí íáðàçñí (1, п. 235), áâå 1 ññâð ã ñíèñâé èéðåðàðòðû, 235
íñâð ñòðàðèòû. Íôîðíëýðòñý èéðåðàðòðà ã ñíèñâðû íí ÄÍÑÓó:
1. Анфимов И.Н. Новые находки погребений кочевников XII - XIII вв. в Восточном Приазовье. // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996.
4. Гадло А.В., Этническая история Северного Кавказа X - XIII вв. СПб., 1994.
14. ОАК за 1902 г.
9. Á ëíñâ ñòðàðò ãíëæáí ñòðíðò ñäðàðæðåðüñíâ ñèñüñí áûòðàðòñý íà áíëæáð
áíëæáí áûòü íäðåðæðåðüñíâ ñèñüñí.
10. Áíçâðàò ìàðåðèàëå íå áàðàíðòðåò.

Ñíñòàâèðåðè